

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [А. А. Быков](#)
 -
 - [Глава I. Эпоха Возрождения](#)
 - [Глава II. Дворянин Лопец де Рекальде](#)
 - [Глава III. Рыцарь Св. Девы Марии](#)
 - [Глава IV. Проповедник Лойола](#)
 - [Глава V. Павел III и его кардиналы](#)
 - [Глава VI. Учреждение “Товарищества Иисуса”](#)
 - [Глава VII. Устав ордена иезуитов](#)
 - [Глава VIII. Генерал Иньиго Лойола](#)
 - [Глава IX. Иезуиты в России](#)
 - [От автора](#)
-

А. А. Быков

Игнатий Лойола

Его жизнь и общественная деятельность

Биографический очерк

Спортретом Лойолы, гравированным в

Лейпциге Геданом

Глава I. Эпоха Возрождения

Константинополь, столица Византийской империи, был взят приступом турецким султаном Мухаммедом II 24 мая 1454 года. Этим событием заканчивается средневековый период истории. Таким образом, подчинение обессилевшей империи власти турок-османлисов знаменует собою начало новой истории, первое столетие которой носит название эпохи Возрождения, так как человеческий ум, скованный до этого времени произволом римских первосвященников и путами схоластического обскурантизма, впервые почувствовал сознательную потребность скинуть с себя непрошеное иго. Толчок этот был дан греческими эмигрантами, покинувшими свою родину после потери последнею независимости и нашедшими в большинстве случаев приют в Западной Европе. Римские папы, усерднейшим образом способствовавшие нравственному разложению и падению Византийской империи, были крайне польщены тем, что “схизматики” обратились к ним за пристанищем и куском хлеба; широкое гостеприимство было предписано везде, где признавалась власть папы, и высокообразованные греки, в числе которых было немало вельмож и принцев крови, поселились в Германии и Франции, но главным образом в Италии.

В это время, когда дитя любви императора Сигизмунда, знаменитый герой Седмиградии и Мадьярии, Ян Гуниад, а потом его сын, не менее знаменитый Матиашь Корвин, доблестно сдерживали напор турецких полчищ вдоль Дуная, родосские рыцари храбро отражали на море нападения самого Мухаммеда II и преграждали ему путь в Западную Европу. Сама же Западная Европа, спасаемая от грозного завоевателя названными героями, утопала в крови, благодаря междоусобным войнам честолюбцев. Англия почти погибала из-за распри, поэтически названной войной Алой и Белой розы; представительница Алой, или Ланкастерской розы Маргарита Анжу, дочь лотарингского герцога Ренэ I и супруга англо-французского короля Генриха VI, лично водила полки в бой, чтобы вырвать мужа из темницы и обеспечить сыну корону Британии; однако беспощадная борьба кончилась победой Белой, или Йоркской розы, занявшей престол в лице Эдуарда IV. Во Франции Людовик XI рубил головы непокорных и гордых вассалов-пэров, стремясь обессилить феодальную систему и прибрать к рукам полунезависимые владения многочисленных французских герцогов, из которых только один являлся

достойным противником его; это был бургундский герцог, Карл Смелый, проведший всю свою жизнь в бестолковой войне от устья Рейна до республиканской Женевы. В Германии шли нескончаемые междоусобия между многочисленными князьками, над которыми власть императора была бессильна, тем более что движение гуситов, которым падение Константинополя и интриги Рима помешали слиться с византийским православием, принимало грозные размеры.

На Пиренейском полуострове шла та же борьба честолюбцев. Дон-Карлос воевал с отцом, арагоно-наваррским королем Хуаном II, из-за наследия матери и погиб от яда; кастильские короли, один другого ничтожнее, вели непосильную борьбу с грандами, добивавшимися полной независимости одновременно с португальскими вельможами. Бедная Италия, разоряемая безжалостно своими и чужими, распадалась на бесконечное число княжеств и республик, оспаривавших друг у друга ничтожные клочки земли с благословения своего верховного владыки, жившего в Риме и не по-христиански принимавшего участие во всех треволнениях полуострова при помощи наемных дружин, громов отлучения, яда и тайных убийств из-за угла. Мадьярия, Чехия, Польша, Литва и Пруссия боролись за преобладание между собою, и эта борьба, в которой принимали участие германские императоры, турецкие султаны и крымские ханы, вела к поглощению Мадьярии, Чехии и Пруссии немцами, к политическому разложению Польши и Литвы и к потере независимости всеми ими. Только Московия, как ее называли тогда, пользовалась сравнительно покоем и тишиною, объединяясь под властью Ивана III и готовясь вступить в среду европейских государств с надлежащим блеском; о Московии особенно заговорили после брака Ивана III с племянницей последнего византийского императора, Софией, надеясь увлечь русских в борьбу с турками и в то же время подчинить духовной власти римского первосвященника.

В только что очерченную эпоху умственное движение Западной Европы и экономическое положение простого народа были крайне незавидны. Народ, угнетаемый тройным игом – духовенства, феодалов и цехов, был лишен всех прав гражданственности и зачастую даже куска хлеба, более или менее обеспеченного; нередко целые деревни десятки лет скрывались в лесных и болотных тущобах, давая повод создавать целые легенды о ликантронах, то есть человеко-волках, и урсогомах, то есть человеко-медведях. Забитый, загнанный, обнищавший народ был вполне во власти умственного невежества и темного суеверия; это было настоящее бесправное темное царство, без малейшего светлого луча надежды на что-

нибудь лучшее в будущем. Наука была во власти духовенства, не допускавшего даже самомалейшего отступления от установленных правил при изучении той или другой науки; а все эти науки сводились к тому, что спасение человеческой души мыслимо только в лоне католической церкви и при полном повиновении святейшему наместнику Иисуса Христа на земле, имеющему власть вязать и разрешать все и всех. В силу такой постановки всего дела преподавания нередко происходили дебаты среди ученых, при самой торжественной обстановке, на тему об осле, помещенном между двумя одинаковыми мерами одинакового овса; требовалось научно решить, откуда сначала возьмет осел свой корм, с правой или с левой стороны? На подобные бессмысленные дебаты тратились умственные силы учащейся молодежи, и только в парижском университете замечалось немного больше жизни, благодаря следам, оставленным альбигойцами, лоллардистами и другими учениями.

Образованные греки, поселившиеся в Западной Европе, как выросшие и воспитавшиеся вне католического обскурантизма, всколыхнули и рассеяли немного умственное убожество, господствовавшее в университетах Италии, Франции и Германии. Они дали толчок и новое направление научным работам своих учеников и последователей; к числу их принадлежат Георгий Трапезундский, Теодор Газский, Иоанн Ласкарис, Димитрий Халкокондила и Константин Ласкарис. Все они преподавали греческий язык, научно обработали греческую грамматику и перевели впервые лучших классиков своей родины. Стоячее умственное болото зашевелилось; из недр его стали появляться талантливые изобретатели, даровитые ученые, выдающиеся художники, смелые реформаторы-мыслители; и все эти люди, к великому изумлению современников, не отличались знатностью происхождения, а выходили преимущественно, если не исключительно, из простого, презираемого народа или из захудавшего, обедневшего дворянства. С этого многозначительного момента, совпавшего с падением Византийской империи, и началась знаменитая эпоха Возрождения, создавшая полную умственную революцию в Западной Европе и вызвавшая отчаянную борьбу сильного еще обскурантизма с народившимся гуманизмом, борьбу, не законченную вполне и в настоящее время.

Во главе этой эпохи необходимо поставить обедневшего дворянина из Майнца, Иоганна Гутенберга (родился в 1400 году, скончался в 1468); он изобрел книгопечатание в 1438 году, но по беднежью должен был вступить в товарищество с богатым ювелиром из Майнца Фаустом и даровитым писцом Шефером. Втроем они развили и усовершенствовали

способ печатания книг, быстро перейдя от китайских резаных досок к набору. После книгопечатания, давшего возможность вырвать из рук католического духовенства исключительное право пользования наукой, наибольшее значение получило мореплавание, благодаря безумно смелым людям, обессмертившим себя открытием новых земель, на которые жадно набросились поселенцы из задыхающегося под нравственным и физическим гнетом простонародья. Варфоломей Диац, родом португалец, открыл мыс Доброй Надежды в 1486 году; итальянец Христофор Колумб открыл Багамские острова 8 октября 1492 года; Джиованни Каботто открыл остров Нью-Фаундленд в 1497 году; португалец Васко да Гама объехал Африку и показал дорогу в Ост-Индию в 1498 году, Себастьян Кабот объехал восточный берег Америки в 1517 году и северный берег Европы в 1552 году; португалец Магеллан обогнул Америку на юге, пробравшись через пролив своего имени и погиб в марте 1521 года на Филиппинских островах; Педро-Альварец Кабрал открыл реку Амазонку и приобрел для Португалии Бразилию; Америго Веспуччи объездил и описал Америку, получившую от него свое название; Фердинанд Кортес открыл Мексику и Калифорнию; испанец Бальбоа перешел Панамский перешеек в 1513 году и открыл Великий океан; Писарро из свинопасов сделался вице-королем открытого им Перу, который он покорил для императора Карла V; Орельяна исследовал на огромном протяжении Амазонку; наконец Альмагро помог Писарро покорить Перу, исследовал и покорил Чили, но восстал против Писарро и был казнен.

Громадный политический и экономический переворот, вызванный открытием Южной Африки, обеих Америк и новых путей в Ост-Индию, отразился и в области духовного творчества. Изящная литература, поэзия, живопись, ваяние, архитектура, естественные науки и история заняли выдающееся положение в западноевропейском обществе. Итальянцы Амброджини, Барбаро и Мерла приступили к серьезному изучению древних языков, издавая классиков и свои образцовые переводы с греческого. Англичанин Фортескью и француз Кюжас подняли значение юриспруденции и прославились своим ораторским талантом. Леонардо да Винчи создал школу живописи во Флоренции, Барбарелли – в Венеции, а Альбрехт Дюрер – в Нюрнберге.

Блестящие успехи человеческого гения не беспокоили папского престола, потому что не покушались на его права; папы покровительствовали поэтам и художникам, усиливая этим блеск своего двора. Но пытливый ум человека, пробудившись от долгого сна, не мог ограничиваться рамками, указанными властью духовенства, и принялся

анализировать; вспомнили Джона Виклефа (родился в 1324 году, умер в 1387) и мученически погибшего Яна Гуса (родился в 1373 году, умер в 1415), и сомнение в правах папы на всемирное господство стало все сильнее проникать в общество. Выразителем протеста явился августинский монах, сын рудокопа, Мартин Лютер (родился в 1483 году, умер в 1546), который в 1517 году обнародовал в Виттенберге 95 тезисов против папской власти; затем он сжег папскую буллу, отлучавшую его от церкви, написал новый катехизис, а затем сумел привлечь к своему учению Швецию, Данию, Франконию, Гессен, Палатинат и Бранденбург. Началась война протестантов с императором Карлом V, продолжавшаяся с перерывами до 1536 года, когда император вынужден был заключить с ними мир в Нюрнберге и дать им права гражданства наравне с католиками. Восстание Лютера было сигналом к появлению других противников папской власти, из числа которых известнейшими были Ульрих Цвингли, Жан Кальвин и Филипп Меланхтон.

Таким образом, против католицизма или, вернее, против папского произвола поднялось множество врагов; вооружившись силою красноречия или во главе военной силы, все они ринулись дружно на римскую церковь, которая на первых порах гордо улыбалась и считала себя неуязвимою после свидания в Каноссе и сожжения Гуса на костре. В ответ на нападки папы собирали вокруг себя художников и украшали Рим: Браманте положил основание базилики св. Петра, Микеланджело Буонарроти окончил ее, прикрыв пантеоном Агриппы, Рафаэль и Романо покрыли Ватикан своими фресками, а глубокообразованный Пьетро Бембо писал под диктовку Льва X его распоряжения. Умер “божественный” Рафаэль, его заменили Корреджо, Пармезани, Тициан, Веронезе и Карраччи. Кроме Италии, преданные папскому престолу талантливые люди блистали во Франции, Германии и Англии: Приматиччио, Палладио и Гужон созидают множество дворцов; Маро, Дю Белле и наваррская королева Маргарита Валуа кладут прочное основание французской литературе; Ариосто, Тассо и Камюэнс прославили себя поэмами “Неистовый Роланд” (*Orlando furioso*), “Освобожденный Иерусалим” (*Jerosolimo deliberate*) и “Лузиада” (*Lusiadas*); наконец Гвиччиардини, Макиавелли и Буханан рассказывают народам историю их правителей и возбуждают любознательность.

Но и в лагере, враждебном папскому режиму, не замедлили появиться даровитые представители, тем более опасные, что это были по большей части серьезные мыслители, оставившие глубокий след в народе. К числу их следует отнести Эразма Роттердамского, Рейхлина, Монтеня, Рабле, Кардана и Шаррона. Богословскими рассуждениями, философскими

трактатами, смелыми сатирами и архиоткровенными исповедями эти люди много подорвали значение папской власти в народе, почитавшем “святого отца” по традиции. Кроме того, в эту же эпоху появились “небесные” революционеры, астрономы. Коперник (родился в 1473 году, умер в 1573), несмотря на запрещение пап, “позволил” земле вращаться вокруг солнца; Тихо-Браге изучил луну и кометы, хотя не соглашался с Коперником в устройстве Солнечной системы; Галилей и Кеплер установили торжество теории Коперника, хотя первый и пострадал за это, и окончательно отделили науку астрономию от астрологии.

Римские папы и их приверженцы, сознавая свою силу, презрительно улыбались на дерзкие попытки новаторов поколебать их могущество. Не давая себе отчета в важности совершавшегося переворота и веря в силу ватиканских громов отлучения, они спокойно приняли вызов и повели борьбу обычными способами: усовещиванием, угрозами, казнями, военной экзекуцией; но когда Англия, Голландия, северная Германия, Дания, Швеция и Норвегия открыто отпали от римского первосвященника, когда сами католики благодаря хлынувшей волне свободомыслия заговорили другим тоном с “наместником” Иисуса Христа, папа Климент VII глубоко и серьезно задумался. Он понял наконец, что в истории человечества наступил момент освобождения мысли от оков клерикализма и обскурантизма; чтобы бороться за свое существование, папа должен был при новых обстоятельствах изобрести и новое оружие; но, несмотря на всю гибкость ума представителя дома Медичи, оружия не находилось, и Климент VII с грустью сошел в могилу. После него на папский престол взошел 13 октября 1534 года Павел III. Этому не особенно далекому по уму, но окруженному даровитыми и преданными кардиналами первосвященнику удалось найти оружие против ересей и свободомыслия прозревшей паствы. Оружием этим явился орден иезуитов, об основателе которого мы и намерены теперь повести речь.

Глава II. Дворянин Лопец де Рекальде

Прежде чем приступить к передаче событий из жизни основателя ордена иезуитов, необходимо сделать серьезную оговорку.

Всякое лицо, обратившее на себя внимание общества и попавшее в историю, имеет свою биографию. Эту биографию пишут или поклонники и приверженцы исторической личности, или его недоброжелатели и враги; первые украшают в жизнеописании своего героя всеми хорошими качествами, приплетают, по мере сил и умения, тьму небылиц, рассказней и даже чудес, пропускают все для него неприятное, дурное, смешное и в конце концов создают какое-то идеальное существо, не имеющее ничего общего с действительно существовавшей личностью. Вторые поступают как раз наоборот. Благодаря этому беспристрастный историк очень нередко оказывается в затруднительном положении, не зная, как из имеющихся под руками исторических материалов восстановить образ исторического деятеля. На помощь ему является историческая критика, дающая возможность разобраться среди противоречивых показаний господ биографов. Но иногда и историческая критика и чутье историка оказываются бессильными при недостатке материалов или их односторонности; благодаря этому немало исторических личностей до настоящего времени изображается в истории в ложном виде, например, Иван IV (Грозный), Ричард III, Людовик XI и многие другие. Подобного же рода затруднения являются и при жизнеописании Лойолы. Почти исключительно его биографами являются иезуиты, и надо видеть, до какой наивности доходят многие из них, рассказывая жизнь основателя их ордена; встречаются указания у них, что с момента появления Лойолы на свет стали совершаться чудеса, выходящие из ряда обыкновенного, а затем каждый шаг малютки выказывал его гениальные способности, свойственные лишь божественному избраннику, и явное желание быть служителем единого Бога.

С другой стороны, то есть со стороны врагов иезуитского ордена, серьезный исторический материал так ничтожен, многие из писавших о Лойоле так мало знают о нем лично, так часто смешивают его действия и планы с действиями и планами Клавдия Аквавивы, пятого генерала ордена иезуитов, что желающему писать о Лойоле почти не на чем остановиться. Благодаря этому более или менее правдивая биография основателя ордена иезуитов, очевидно, должна быть с пробелами и пропусками, по причине

которых самое жизнеописание является неполным, а потому личность Лойолы не вполне ясною, как это было бы желательно каждому интересующемуся этим деятелем XVI столетия.

Выяснив затруднения, на которые неизбежно наталкивается всякий взявшийся писать биографию Лойолы по возможности беспристрастно, станем продолжать наш рассказ.

На севере Испании есть небольшая область, называемая Гвипускоа; горная местность на западной границе испанской Наварры, покрытая лесами, способствовала упорной и долгой защите жителями своих прав и юридических обычаев. Эти жители, сохранившиеся со времен визиготов под именем фуэросов; васконы, или баски, единоплеменные с французскими гасконцами, считают себя потомками кантабров и отличаются личною храбростью и тщеславием. Большею частью бедное дворянство гордилось древностью своего происхождения и жило в небольших замках, служивших защитою в старое время от мавров и арабов, а позднее – во время междоусобий мелких владетельных князей, из которых один, Иньиго Лопец, был даже независимым бискайским графом. Во второй половине XV столетия один из потомков этого графа, Бельтрам Лопец, владел двумя замками, Оньец и Лойола, с небольшим клочком земли. Небольшие материальные средства, большая семья и захудалость рода, давно потерявшего графский титул, ставили сеньора Лопеца в не особенно выгодное положение, и ему оставалось только важничать своим происхождением от владетельного графа да отдаленным родством с кастильским грандом Антонио Манриком, герцогом Нахара и графом Тревиньо, который вел свое родословное древо от первого астурийского короля Пелахо. Проживал Лопец преимущественно в Лойоле, расположенном между двумя городишками Ацпетиа и Асконтия, со всею своею семьей, состоявшей из жены и двенадцати детей. В это время Испания впервые объединилась, за исключением султанства Гренада, под скипетром арагоно-наваррского короля Фердинанда III Католика, женатого на кастильской королеве Изабелле, преемнице бездетного брата Энрика IV Бессильного.

За год до взятия Гренады знаменитым генералом Гонзальвом Кордуанским у сеньора Лопеца родился в Лойоле тринадцатый ребенок, названный Иньиго, то есть Игнатий. Это произошло в 1491 году. Биографы-иезуиты добавляют, что его мать, Марина Соне, желая подражать Богородице, удалилась разрешаться от бремени в хлев и положила новорожденного в ясли; затем, когда возник вопрос об имени, которое следовало дать малютке, то последний громко и отчетливо заговорил:

“Меня зовут Иньиго”. Как бы то ни было, но тринадцатый ребенок, хотя родившийся при таких чудесных обстоятельствах, являлся обузой для родителей, и те сбыли его отставному королевскому казначею, Хуану Веласко, который, как можно догадываться, был крестным отцом маленького Иньиго. Веласко жил на покое в старокастильском городке Аревало, и его крестник провел с ним все свое бесцветное детство, ничем не выдаваясь в толпе сверстников и выучившись только читать и писать по-кастильски. Благодаря сохранившимся связям при дворе Веласко имел возможность поместить мальчика-идальго пажом в свиту Фердинанда III. Праздная жизнь среди спесивых и богатых придворных, множество красавиц, окружавших величественную Изабеллу Кастильскую, и чтение нелепых рыцарских романов, так удачно осмеянных впоследствии Сервантесом, сформировали молодого Иньиго по общей мерке. Это был молодой человек почти высокого роста, стройный, ловкий, находчивый болтун, поклонник женщин, вина и особенно военной славы, для которой впечатлительный и самолюбивый юноша был готов пожертвовать всем. “Амадис Галльский”, знаменитый рыцарский роман португальского писателя Васко де Ловеяра, постоянно манил его куда-то вдаль, к рыцарским подвигам, на добром коне, с хорошо вычищенным оружием и с шарфом или цветком обожаемой дамы. Утомясь бездействием при дворе, Лопец, как истый рыцарь, выбрал себе даму сердца из числа хорошеньких фрейлин и поступил на военную службу.

Слава непобедимого Гонзальва Кордуанского, бывшего в то время коннетаблем, то есть главнокомандующим испанских войск в южной Италии, сильно померкла благодаря завистникам и сплетникам. Поэтому, следуя примеру старших родных братьев, молодой Лопец начал свою военную карьеру под начальством дальнего родственника, герцога Антонио Манрик-Нахара, покровительствовавшего, как видно, всей семье Лопец-отца. В царствование Фердинанда III военные действия почти не прекращались, а потому бывший воспитанник казначея Веласко был крайне доволен, попав в свою сферу. С головой, переполненной невероятными подвигами сказочных рыцарей, он окунулся со всем пылом своей страстной, подвижной натуры во все превратности военно-походной жизни того времени, изобиловавшей всевозможными приключениями. Подробных сведений о его служебной деятельности не имеется, к сожалению; известно только, что безумною храбростью, энергией и распорядительностью молодой Лопец обратил на себя внимание покровителя-герцога и пользовался славой самого блестящего офицера. В январе 1516 года скончался Фердинанд III и на престол вступил его внук

Карлос I, согласно предсмертной воле его бабки Изабеллы, знавшей, что ее дочь, а его мать, Хуана Безумная, не способна управлять государством. Шестнадцатилетний юноша, так как он родился 24 февраля 1500 года, считал себя, и был на самом деле, самым могущественным монархом в мире; под его скипетром были: Испания, Балеары, Неаполь, Сицилия, Мексика, Вест-Индия и Перу, а с 12 января 1519 года, по смерти другого деда, императора германского Максимилиана I, он объявлен был императором Карлом V и ему повиновались еще Германия, Чехия, Нидерланды и Бургундия. При таком могуществе немудрено было закружиться голове, а потому, не обращая внимания на подписанный им 13 августа 1516 года в Нойоне мирный договор с французским королем, по которому Наварра уступалась королю Жану д'Альбрэ наваррскому, Карл V решился в 1520 году овладеть спорною областью и объявил Франции войну.

Испанские войска двинулись из Кастилии и Каталонии, быстро покорили южную Наварру и заставили короля Жана д'Альбрэ бежать во Францию; цитадель в Пампелуне, важнейшем городе Наварры, была поручена молодому Лопецу. Уже испанцы собирались двинуться в северную Наварру, как с Пиренеев спустился французский генерал Фуа-Леспарр. Победоносно пройдя всю Наварру, он осадил Пампелуну и начал ее штурмовать; город, несмотря на усилия испанцев, должен был сдаться победителю. Только комендант цитадели Иньиго Лопец решился держаться против вдесятеро сильнейшего врага с упорством, свойственным горцу и фанатику долга; цитадель ничем не была снабжена, защитников было мало, но Лопец не унывал и, как поклонник Амадиса Галльского, мечтал один бороться со всею французскою армией. Желая избежать бесполезного кровопролития, Фуа-Леспарр предложил ему через несколько дней сдаться, но упрямец не хотел ничего слушать и смело, с мечом в руке, окруженный горсточкой испанских солдат, ждал в проломе неприятеля. Начался последний приступ. Во время свалки обломок камня от стены перебил Лопецу левую ногу, вслед за тем шальной выстрел попал ему в правую ногу, и защитник цитадели упал без чувств, а солдаты поспешили сдаться. Уважая отвагу и доблесть коменданта, французы любезно подняли полумертвое тело его, снесли в один из уцелевших домов и здесь оказали первую медицинскую помощь. Когда Лопец пришел в чувство, великодушный Фуа-Леспарр дал ему возможность добраться до Лойолы.

Это произошло в начале 1521 года. Таким образом, только тридцати лет от роду Лопец увидал родительский дом, так как раньше вряд ли он бывал в нем. 30 июня 1521 года французы потерпели страшное поражение

под Эсквиром, бежали за Пиренеи, и испанская Наварра была окончательно присоединена к владениям Карла V.

Пока совершались эти события, бедный Лопец был прикован к постели и с грустью сознавался, что его военная карьера окончена. Дело в том, что левая нога плохо срасталась и призванные хирурги нашли необходимым вторично ее сломать, чтобы срастание шло успешнее; перед этой ужасной операцией у больного был бред, ему явился апостол Петр и обещал сам лечить храброго рыцаря. В благодарность за лестное покровительство хранителя райских ключей Лопец тут же, в бреду, сочинил по-кастильски гимн в честь св. Петра, кем-то из домашних записанный на бумагу. Придя в себя, больной самоуверенно выразил непоколебимое убеждение, что он обязательно выздоровеет, так как он не все еще совершил из того, что ему предназначено свыше. В силу этого Лопец перенес операцию ломания ноги с полным спокойствием, как бы пренебрегая страданиями; какая-то косточка высунулась из мяса выше колена, и больной настоял, чтобы ее отпилили, хотя сами врачи опасались за исход этой операции. Когда оказалось, что, благодаря ранам, одна нога стала короче другой, то Лопец, надеясь их сравнять, согласился, чтобы ему вытягивали ногу какой-то особенной железной машиной. Эта пытка продолжалась долго, но пользы не принесла, и бывший комендант на всю жизнь остался хромоногим.

Прошло время острых страданий и тяжелых операций, но больной не мог покидать постели, ожидая окончательного выздоровления ноги. Ясность мыслей и жажда деятельности вернулись, но приходилось спокойно и неподвижно лежать, чтобы не бередить ран. Тогда Лопец накинулся на единственное, что ему позволялось, – на чтение – и потребовал рыцарских романов, чтобы хоть мысленно принимать участие в славных боевых подвигах. В жилище каждого идальго эти романы были обязательны в библиотеке; очевидно, они были и в Лойоле, но чья-то рука, быть может, матери, потрясенной болезнью сына, подала ему, вместо произведений Терульда, Ловейры и Вистаса, жития святых, жизнеописание Иисуса Христа и “Цветок святых”. С тоски рыцарь Лопец принялся и за такое чтение, но вскоре оно его заинтересовало; особенно он стал внимательно читать про земную жизнь Спасителя и про святых Доминика (родился в 1170 году, умер 4 августа 1221 года), основателя ордена доминиканцев, или братьев-проповедников, и Франциска Ассизского (родился в 1182 году, умер 4 октября 1226 года), основателя ордена францисканцев, или меньших братьев. Долгие дни своего невольного плена Лопец зачитывался принесенными книгами, и его пылкое воображение, а также свойственная всем васконам страсть к чему-нибудь особенному,

способному выделить из толпы и прославить, внушили ему мысль бросить греховную светскую жизнь и отдаться христиански-духовной деятельности. Он стал обсуждать эту мысль, развивать ее – и в нем началась внутренняя борьба: с одной стороны, удовольствия жизни, жажда рыцарской славы, ласки женщин и все то, что может привлекать 30-летнего мужчину; с другой – полное одиночество, подвиги религиозного рвения и самоотвержения, разрыв с прошлым, подражание угодникам, возможность обратиться на себя милости самого Бога. Борьба была продолжительная и упорная во время печальных зимних месяцев. Наконец, мысли о возможности прославиться и на духовном поприще, а также о покровителе св. Петре, который, конечно, являлся ему не зря, одержали верх, и Иньиго Лопец, со всею непреклонною решимостью горца, или, лучше сказать, со всем упрямством васкона, окончательно остановился на намерении отказаться от всего прошлого и начать новую, еще неведомую ему жизнь во славу Господа Бога, Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии, рыцарем которой он решился объявить себя.

Глава III. Рыцарь Св. Девы Марии

Не зная ничего из того, что должен проповедник слова Божия знать обязательно, не выработав ничего определенного относительно своих отношений к обществу, без ясного плана своих будущих действий, бывший светский кабальеро и полезный офицер захотел, так сказать, покорить уничижение, испытать на себе все невзгоды подвижничества. Со времени знакомства с книгами духовного содержания он стал верить в Бога, хотя крайне своеобразно, как это будет видно впоследствии. Приняв твердое намерение начать новую жизнь, Иньиго Лопец в половине марта 1522 года покинул родительский замок Лойолу тайком, не сказав никому ни слова. Правда, родные устроили над ним тайный надзор, видя его восторженное настроение и зная его сумасбродство, но мнимый больной обманул их бдительность. Выбравшись рано утром на дорогу, Лопец направился сначала на своем муле к Монтесerratскому монастырю, куда стекались многочисленные богомольцы поклониться чудотворной иконе Богоматери, долженствующей сделаться патронессою новообращенного рыцаря. По дороге Лопец догнал какого-то мавра, с которым вступил от нечего делать в разговор; зашла почему-то речь о Богородице, и дерзкий мавр стал отзываться о ней непочтительно. Сначала Лопец пробовал подействовать на мусульманина силою убеждения, но возражения рассердили его, в проповеднике проснулся энергичный офицер – и он выхватил шпагу, чтобы наказать дерзкого. Испуганный мавр обратился в бегство на своей лошади, а рыцарь пустился догонять его; однако быстрое движение охладило его, и он стал рассуждать о неуместности своей вспышки. Впереди дорога раздваивалась: справа виднелось селение, где жил мавр, а слева – монастырь, куда направлялся рыцарь; фаталист, как большинство васконов, Лопец решился положиться на волю мула: если он повернет к селению, значит, рыцарский обет можно не исполнять, а если повернет к монастырю, значит, так угодно Св. Деве. Мул бойко доскакал до разветвления дороги и... взял влево.

Прибыв к часовне Богоматери, Лопец нашел необходимым поступить по всем правилам рыцарского кодекса и, прежде чем окончательно посвятить себя в рыцари Св. Девы Марии, продежурить всю ночь перед изображением своей патронессы. С этою целью он, при наступлении вечера, облачился в вычищенные рыцарские доспехи и при полном вооружении стал на страже перед образом; всю ночь провел он в молитве,

обливаясь слезами о своих грехах и давая обеты быть нелицемерным и преданным рыцарем избранной им “дамы” и совершать все только во славу ее. Утро застало его бодрствующим. Прочитав последнюю молитву, Лопец принес в жертву Богородице свою шпагу, повесив ее на одну из колонн часовни, снял с себя весь дорогой рыцарский наряд, остаток презиравшего им отныне богатства, и подарил его стоящему вблизи нищему. Затем надел нищенское рубище, подпоясался веревкой и пешком направился в близлежащий городок Манресу. Все, только что рассказанное, он как вежливый и деликатный кабальеро проделал на 25 марта, день Благовещения Богородицы. По прибытии в город Лопец приютился при монастырской больнице и начал свой искуc. Первое время монастырская братия не хотела и принимать его, так как Лопец не сделал никакого вклада, но потом помирилась с ним во время его новой болезни. Посвятив себя посту и молитве, он находил скудный больничный стол даже чересчур роскошным и часто отказывался от него; дни он проводил в молитве или просил подаяние, одетый в рубище, под которым навешивал камни и вериги, становясь при этом, и даже с наслаждением, предметом насмешек праздных ребятишек и взрослых зубоскалов; по ночам же, с теми же веригами, он ложился на голой земле, отгоняя от себя сон молитвами и размышлениями. Уничижая себя в своем фанатизме, он дошел до мысли, что всего этого мало, так как все это в недостаточной степени умирало его страстный, пылкий темперамент, и ему казался необходимым искуc посуровее, порезче и подейственнее.

С этой целью он отправился на поиски и в шестистах шагах от Манресы, на скалистом берегу реки Льобрегат, впадающей в Средиземное море, разыскал почти неприступную пещеру, в которую можно было забраться чуть не ползком через колючие кустарники. Рыцарь Св. Девы расположился в этой пещере и устроился вполне по своему вкусу. Все время он проводил в религиозном созерцании божественных качеств небесного Учителя или в самых тяжелых грубых работах, утомляя и ломая себя наподобие пустынножителей первых веков христианства. То борясь с чертом, который самолично являлся искушать и совращать его во всевозможных видах, то охваченный неземным восторгом при виде небесных наслаждений и явлений, то изнемогая в обмороке после подобных потрясений и беседуя в это время с Богом, Лопец достиг постепенно такого состояния, когда он сделался существом не от мира сего, или, лучше сказать, самым высокопробным фанатиком, для которого понятия о времени, пространстве и логике не существовало. В своем дико восторженном настроении он, не имевший раньше ни времени, ни охоты

учиться по книгам, пришел к сознанию, что теперь, при помощи свыше, он сразу усвоил науку познания людей; под горячим впечатлением, не выходя почти к людям и любясь только небом и водою, он написал первый свой литературный труд по-кастильски – “Духовные упражнения”, отразившиеся на всей его дальнейшей жизни, а также на истории ордена иезуитов. Не входя в оценку этой книги, составленной в духе и форме рыцарских романов, единственных литературных произведений, хорошо знакомых Лопецу, – заметим только, что по ней можно убедиться, как сбивчивы и смутны были у отставного офицера понятия о христианских догматах, как своеобразно понимал он личность Иисуса Христа и как легко он мог быть обвинен за эту книгу в несторианстве, если бы за него покруче взялись доминиканцы-инквизиторы.

Между тем молва о пустыннике, обитателе пещеры, разошлась по окрестностям, чему, конечно, содействовали и друзья Лопеца, бенедиктинцы, жившие в монте-сerratском монастыре. Наконец известие о нем достигло замка Лойолы, где мирно жили его родители и братья. Старший из последних, Мартин-Гарциас Лопец, немедленно явился в Манресу, чтобы вернуть брата на путь истины; однако все его просьбы и убеждения не привели ни к чему. Иньиго Лопец был в том душевном настроении, которое в настоящее время назвали бы психопатическим, и оставался глухим к речам брата. Побившись несколько дней и видя, что ему не добиться толку, Мартин-Гарциас махнул рукою и опечаленный вернулся домой. Тем временем Иньиго перечитал свои “Духовные упражнения”, убедился в их полной доброкачественности и решил про себя, что если он много дал Богу, то и получил от Него с процентами, так как написать такую превосходную книгу без непосредственного содействия Бога невозможно, а между тем “при такой книге даже Евангелие становится излишним”. Покончив с этим, Лопец объявил друзьям-бенедиктинцам о своем намерении отправиться на поклонение гробу Господню в Иерусалим и затем обратиться в христианство всех сарацин-мусульман. Монастырская братия одобрила это благочестивое желание пустынножителя и, кажется, в феврале 1523 года Лопец, совершенно подготовленный для единоличной борьбы со всеми врагами Бога, покинул Манресу и пустился со своими “Духовными упражнениями” в свет.

Побираясь Христовым именем, бывший герой Пампелуны достиг в своем рублище Барселоны, следуя по течению Льобрегата, и тут ухитрился попасть на галеру, отправляющуюся в Италию. Жестокая буря долго носила по Средиземному морю корабль, и только на пятый день ему удалось пристать к Гаэте. Разбитый и утомленный переездом, Лопец должен был

несколько дней отдыхать, а затем отправился пешком в Рим, желая получить благословение папы перед путешествием в Святую землю. В Вербное воскресенье достиг он вечного города и вскоре удостоился приложиться к туфле папы Адриана VI, бывшего воспитателя Карла V и вице-короля Испании. Запыленный странник прошел незамеченным, получил заодно с другими общее благословение и с облегченным сердцем покинул Рим, направляясь к Венеции. В это время в Италии свирепствовала чума. Села и города подвергались действию этой заразы, и люди сотнями умирали в домах, на улицах, на полях; уstraшенный народ прятался ото всех, и каждый безобидный странник внушал страх, так как его считали вестником чумы. Тем более внушал страх Лопец, исхудавший от подвижничества, с мертвенно-бледным лицом и фосфорически сверкающими глазами; перед его носом запирали двери, за которыми он рассчитывал найти ночлег и кусок хлеба, так что ему зачастую приходилось ночевать под открытым небом, на сырой земле. Как ни закалил себя рыцарь Св. Девы в лишениях, но такое странствование надломило его настолько, что около Падуи он был близок к смерти от истощения. Но тут явился “добрый товарищ”, сам Иисус Христос. Он ободрил ослабевшего, обещал ему свою помощь и так подкрепил Лопеца своим появлением, что тот благополучно и невредимо достиг адриатической столицы на лагунах – Венеции.

Здесь, в главном средоточии западноевропейской торговли того времени, Лопец мог бы затеряться в толпе равнодушных торгашей, если бы в нем не принял случайно участия какой-то зажиточный земляк. Узнав о цели его паломничества, испанец выхлопотал ему местечко на правительственной галере, отправлявшейся к берегам Сирии, и снабдил кое-какою провизией. Освежившийся и отдохнувший Лопец бодро занял свое место на галере и решился немедленно приступить к исправлению нравов разгульных матросов. Наивный до ребячества, самоуверенный до крайности, неопытный в житейском отношении, так как он знал только лагерную жизнь, Лопец воображал, что стоит только захотеть чего-нибудь ему, – и он непременно добьется желаемого. Первое же практическое столкновение на избранном им самим поприще показало ему всю трудность предпринятого дела. На первых порах напуганные его страстными и малопонятными речами матросы покаялись и усмирились, но потом им это надоело, они стали возражать и, наконец, единодушно подняли проповедника нравственности на смех. Задетый за живое, рыцарь Св. Девы стал угрожать им наказанием свыше; тогда озлобившиеся матросы уговорились при первом же удобном случае высадить его на

какой-нибудь необитаемый островок. К счастью, для Лопеца, этой грубой шутки не пришлось исполнить, потому что по выходе галеры из Адриатического моря пришлось бороться с сильным волнением и стараться не сбиться с курса. Обновив свои запасы на острове Кипр, галера благополучно достигла Яффы, откуда Лопец с толпой богомольцев добрался 4 сентября 1523 года до Иерусалима.

С благоговением посетил он все места, освященные воспоминанием о земной жизни Спасителя, наплакался, намолился и затем решился заняться главной своею задачей – обращением мусульманского Востока в христианство. Как солдат, привыкший к дисциплине, прежде чем взяться за дело, усердный рыцарь обратился за благословением к провинциалу (то есть начальнику отдела) ордена францисканцев, имя которого, к сожалению, неизвестно. Умный и осторожный провинциал, прежде чем дать благословение на такое опасное дело, решился проэкзаменовать проповедника, ему незнакомого; с удивлением увидел он, что Лопец местных языков не знает, с мусульманским вероучением не знаком и наконец в христианском богословии более чем неуч. Изумленный и раздосадованный этою фанатическою смелостью, провинциал бесцеремонно выпроводил рыцаря из Иерусалима и энергично велел ему убираться туда, откуда он пришел, если не хочет бесполезно рисковать жизнью. Ошеломленный таким жестким уроком и потеряв еще на галере большую часть своей слепой самоуверенности, Лопец покорно выполнил приказание и покинул Палестину. Ободранный, голодный, полузамерзший, он каким-то чудом остался в живых и ухитрился вернуться в январе 1524 года в отчасти знакомую ему Венецию. Нисколько не поколебленный целым годом неудач, упрямый васкон, едва отдохнув от тяжелого переезда, решился обращать в христианство христиан венецианских, забывших, по его мнению, все учение Христа.

Однако его и тут ждало разочарование. В нескольких диспутах, на которых он смело выступил, его унизили, осмеяли и опозорили, доказав целым рядом доводов и цитат, что он круглый невежда, которому нужно не проповедовать слово Божие, а сесть за букварь. У сконфуженного рыцаря Св. Девы открылись, наконец, глаза, и он понял свой промах; другой на его месте махнул бы рукою на свою проповедническую страсть и, быть может, вернулся бы на военную службу, но Иньиго Лопец был не из таких. С упрямством и настойчивостью горца-васкона он соединял страшную силу воли и изумительное терпение. При знакомстве с такими характерами становится вполне понятною итальянская поговорка: “Если испанцу нужно вбить в стену гвоздь, а молотка под руками не будет, то он заменит его

своей головой и вобьет гвоздь в стену”. Лопец стал обдумывать свое положение и изыскивать способы достичь намеченной еще в Лойоле цели: укрепить веру в Бога и этим приобрести известность и славу. Неудача его посланничества происходила от двух причин: он был вполне необразованный человек и действовал до сих пор один; следовательно, ему необходимо получить научное образование и создать духовное братство, воинствующее во славу Божию. Таким образом, в Венеции пришла Лопецу впервые мысль об ордене иезуитов, а не в пещере подле Манресы, как уверяет не в меру усердствующий биограф Лопеца, иезуит Рибаденейра, старавшийся доказать, что чуть ли не со дня рождения предназначение великого человека было ясно до очевидности. Непосильная задача для 33-летнего рыцаря Св. Девы несколько не утратила и не поколебала его. “Это нужно – значит, это должно быть сделано” – вот, вероятно, как формулировал Лопец свою новую задачу. А раз решившись, он не откладывал дела. Учиться латыни, этому первоисточнику всей премудрости того времени, Лопец не хотел в Италии, так как он никогда не владел хорошо итальянским языком; поэтому он нашел необходимым возвратиться в Испанию, а именно в Барселону, в которую не мог попасть по причине чумы два года тому назад, то есть при бегстве из замка Лойола. Но чтобы скорее попасть туда, надо было добраться до Генуи, а как раз в это время северная Италия сделалась театром войны Карла V с французским королем, неукротимым воителем и блестящим баловнем женщин, Франциском I.

Люди, сочувствующие Лопецу, советовали ему избрать более безопасный, хотя и более кружной путь, чтобы добраться до одного из средиземных портов, но он нашел это как бы унижительным для себя, бывшего офицера, и смело покинул Венецию в своем рубище, питаясь подаянием и прямолинейно направляясь в Геную. Передвижения войск, сторожевые цепи, сражения, взятие городов приступом, преследование бегущего неприятеля – все это страшно задерживало путешественника, а подчас ставило в опасное положение: его могли нечаянно убить или расстрелять, как шпиона. В одной деревне его арестовал испанский отряд, считая подосланным французами; едва переубедив начальника отряда, Лопец не избег-таки глумления расхрипевшихся солдат: его раздели и голого водили долгое время по всей лагерной стоянке. Едва вырвался от них знаменитый герой Пампелуны и поспешил наверстать потерянное время. Наконец он добрался, к великому своему удовольствию, до Генуи, где ему удалось найти место на одном из кораблей, совершавшем рейсы до Барселоны, благодаря содействию Портунде, начальника испанской эскадры, с которым он познакомился, будучи еще придворным пажом.

Через год с небольшим возвратился Лопец на родину, значительно умудренный жизненным опытом, но по-прежнему непреклонный в достижении раз задуманного.

Прибыв в Барселону, Лопец прямо отправился в одну из обыкновенных школ для детей, объяснил учителю свое желание, попросил его не стесняться в обращении и ничем не отличать взрослого ученика от остальных. Набожный преподаватель Ардебаль, умиленный желанием отставного офицера, согласился учить его даром, а добродушная Изабелла Розель вызвалась кормить его бесплатно в течение всего учебного времени. Тяжело приниматься в 33 года за латинскую грамматику, но отступить было стыдно, поэтому с полным самообладанием и охотой занял Лопец место на школьной скамье и принялся за незнакомую ему до сих пор премудрость, не обращая внимания на насмешки ребятишек и зубоскальство взрослых. Последовательный теперь в своих поступках, рыцарь Св. Девы, параллельно с учением, начал приводить в исполнение другой свой план – вербовки сотоварищей; мало того, он не оставил старой привычки исправлять согрешивших поучениями и проповедями, подавая пример строгим образом жизни, постами и самобичеванием. Умерщвляя в себе все плотское и греховное, он изучал склонения и спряжения по грамматике, а затем пылкими, страстными речами заставлял каяться провинившихся перед Богом и исправляться на самом деле. По странной случайности духовные власти города не обращали внимания на незнакомого для них проповедника и не стесняли его миссионерской деятельности; благодаря этому, в городе скоро заговорили о суровом проповеднике нравственности и вокруг него стал образовываться кружок ревностных последователей. Удачно пользуясь обстоятельствами, Лопец выбрал себе четырех учеников и этим положил основу проектированному им духовному товариществу. Эти ученики были: три каталонца – Артиага, Каллист и Кацерес да паж Жеган из французской Наварры; все четверо – малоопытные и малосведущие молодые люди, увлекшиеся аскетизмом и пламенными речами Лопеца, не перестававшего усердно зубрить латинскую грамматику. Так прошло два года, и Лопец, не желавший даром терять времени, решил, что он достаточно подготовлен для поступления в высшее учебное заведение.

Уговорив учеников следовать за ним, Лопец покинул Барселону и направился в Алкала де Генарес, где процветал юный университет, основанный знаменитым кардиналом и регентом Кастилии во время детства Карла V, Франчиско Хименс де Чиснерос, в 1498 году; местопребывание архиепископа, средоточие кастильской образованности,

Алкала была в то время многолюдна, богата и оживленна. Лопец поступил на курсы в университет и повел тот же образ жизни, какой он вел в столице Каталонии. Вокруг него стали собираться кающиеся, о нем заговорили по городу, и общее внимание обратилось на незнакомого студента в черном плаще и сомбреро; благородные кастилианки решили бесповоротно, что это святой, и наперебой принялись приглашать его в качестве исповедника. Две из них, воспламененные его рассказами о страннической жизни во славу Божию и о задуманном духовном воинствующем братстве, решились проделать то же самое и тайком бежали из Алкалы, покинув мужей и семьи. Скандал вышел громадный, и инквизиция, давно уже следившая за рыцарем Св. Девы, немедленно арестовала его и подвергла допросу, считая его сочленом опасной в то время религиозно-мистической секты иллюминатов. Старший инквизитор и великий викарий доминиканцев, Фигвероа, убедился в своей ошибке после самого поверхностного допроса и выпустил на свободу студента-проповедника, но в это время поступили жалобы оскорбленных мужей, и Лопеца вторично арестовали. Две дамы высшего круга, Тереза Карденас, мать герцога Диего Макведа, и статс-дама Алиенора Маскареньяс, бывшая кормилица наследного принца Филиппа, приняли живое участие в святом проповеднике и выразили желание взять его на поруки, но нелюбезный Фигвероа отказал им в этом. Дело могло бы принять очень дурной оборот для блюстителя нравов, если бы взбалмошные кастилианки не вернулись домой после целого ряда курьезных приключений. Они удостоверили под присягой, что “дон Иньиго Лопец де Рекальде” отговаривал их от поездки и они поступили против его настоятельных советов; тогда Фигвероа освободил Лопеца, посоветовав ему прилежнее учиться, а не баламутить народ. Как бы то ни было, кредит рыцаря Св. Девы был подорван, ученики отреклись от него, опасаясь инквизиции, и он в досаде покинул Алкалу, чтобы продолжать учение в Саламанке. По дороге Лопец остановился в Вальядолиле, где обратился за советом к толедскому архиепископу Фонсеке; последний благословил его и даже дал денег, чтобы ревностный студент мог беспрепятственно добраться до университетского города. “Маленький Рим”, как долго называли Саламанку, обладал старинным университетом, основанным в 1239 году леоно-кастильским королем Фердинандом III Святым. Записавшись на университетские курсы, неугомный Лопец повел тот же образ жизни, как и в Алкале, поэтому немудрено, что в городе скоро заговорили о суровом ревнителе нравственности и благочестия. К тому же из Алкалы прибыли раскаявшиеся Артиага, Каллист, Кацерес и Жеган. Инквизиция всполошилась, и великий викарий доминиканцев, Фриас, велел арестовать

всех пятерых. Относясь почему-то к Фриасу с большим уважением, чем к Фигвероа, Лопец на допросе показал ему свои “Духовные упражнения”. Великий викарий пригласил экспертами трех докторов богословия и поручил им рассмотреть произведение студента Лопеца де Рекальде; доктора прочитали книгу и объявили, что в ней противохристианского в духе католицизма ничего нет, но видно полное неумение владеть пером, а потому слог сбивчивый и неясный. Тогда Фриас выпустил на волю злосчастливого рыцаря, внушительно “посоветовав” ему учиться, так как он мало искусен в риторике и может впасть в ересь. Взбешенный таким советом, Лопец объявил одновременно с ним выпущенным ученикам, что в Испании учиться нечему, что здесь не понимают его великих идей, а потому им следует отправиться в Париж. Злосчастные ученики потеряли терпение и наотрез отказались следовать за учителем, из-за которого они перенесли только массу неприятностей. Тяжело вздохнул покинутый всеми и непризнанный рыцарь Св. Девы, нагрузил свои скромные пожитки на осла и, подгоняя его, отправился пешком из Саламанки в Париж.

Глава IV. Проповедник Лойола

Парижский университет, первый по времени в Европе, был окончательно учрежден в 1200 году французским королем Филиппом II. Ученый англичанин Курсон написал для него устав, который был утвержден королем в 1205 году, а со времен короля Карла V Мудрого университет получил титул “старшей дочери французских королей”. Самое название “университет” было впервые применено к парижскому, так как, по идее Курсона, здесь было всемирное сосредоточие преподавателей и учащихся, “universitas magistrorum et auditorum”. Владея с самого начала обширными привилегиями, университет в Париже приобрел значение особенно в XIV и XV столетиях, вмешиваясь в политические события Франции и имея своих представителей в генеральных собраниях. Из четырех факультетов первенствующую роль играл богословский, преобразованный в 1252 году Робертом Сорбоном в высшее учреждение, с гордостью называемое “непрерывным галльским собором”. Эта Сорбонна всегда стояла на страже чистоты католической религии, была верной помощницей пап в борьбе с ересями, первая начала опровергать Лютера, Кальвина и Цвингли и первая же впоследствии вооружилась против иезуитов. Философская диалектика, преподаваемая в высших учебных заведениях, с давних времен слилась с богословием под общим названием схоластики и достигла своего апогея в XIII и XIV столетиях, но в первой четверти XVI столетия схоластика приходила в упадок благодаря нападкам Оккама, Буридана и других. Однако парижский университет и Сорбонна продолжали еще привлекать тысячи слушателей, желавших работать под руководством Гомбо, Буханана, Говеа, Латомуса, Гильома Бюде, Пьера Данеса, Ласкариса, Жана Салиньяка, Рамуса и других светил науки той эпохи. Правда, все ученые и профессора подчинялись строгому ригоризму схоластики в своих лекциях, не смея на волос уклониться от предначертанных рамок, тем не менее любознательная молодежь стекалась в Париж со всех сторон: одни жаждали укрепиться в догматах веры, другие же, наоборот, стремились ознакомиться с идеями Лютера, Цвингли, Кальвина и Меланхтона.

В этот-то центр умственной кипучей деятельности прибыл в январе 1528 года испанский дворянин Иньиго Лопец, начавший теперь именоваться Лойолой, в честь замка, где он родился; поэтому и мы начнем называть его теперь этим новым именем. Как совершил свое путешествие

Лойола, что случилось с ним замечательного дорогою, остается неизвестным, хотя со времени своего появления в Париже он во многих отношениях сильно изменился. Оставаясь прежним пламенным ревнителем своеобразно понимаемого христианства и нравственности, Лойола как-то практически поумнел, перестал подвергать себя публичному осмеянию, как это было в Алкале и Саламанке, резкие психопатические выходки прекратились, а шероховатости упрямого васкона сгладились. Он стал упорно, настойчиво, но осторожно и умно добиваться своей заветной идеи, ясно сформулированной в Венеции: создать духовное братство для борьбы с врагами католической церкви. Рыцарь Св. Девы Марии стусевался куда-то бесследно, явился проповедник нравственности умственной и телесной, будущий основатель ордена иезуитов. Что повлияло так на Лойолу, остается неразгаданным, потому что биографы обходят полным молчанием эту эпоху его жизни. Криминалисты в подобных случаях говорят: “Cherchez la femme”, и, кажется, мы будем очень близки к истине, если укажем на Алиенору Маскареньяс как на тайную вдохновительницу Лопеца; познакомившись с ним в Алкале, а может быть и раньше, эта дама поддерживала с ним оживленную переписку до самой его смерти.

Прибыв в Париж, Лойола поступил 1 февраля 1528 года почему-то не в университет, а в коллегию Монтегю на улице Семи дорог (Sept-Voies), желая ознакомиться с гуманитарными науками. Одновременно с этим он опять взялся за исправление нравов и на первых же порах был схвачен служителями инквизиции; верховный инквизитор парижский, доминиканец Ори, допросил его, удовлетворился представленными объяснениями и отпустил с миром после нескольких дней ареста. Обрадованный успехом Лойола продолжал ревностно свои проповеди, привлек трех новых учеников, имена которых неизвестны, и устроил общежитие. Благотворительность в Париже была очень ничтожна, так что вновь образовавшееся общежитие буквально голодало. Seriously озабоченный этим, а может быть и по другим причинам, в том же 1528 году Лойола предпринял таинственную поездку во Фландрию и Англию, откуда возвратился с богатым подаянием, которого могло хватить общежитию на несколько лет. После того он начал усердно заниматься и даже для большей успешности сократил число часов, посвящаемых молитве, что для человека набожного, каким был несомненно Лойола, считалось большою жертвою. Однако из восемнадцати месяцев, проведенных в коллегии Монтегю, Лойола мог посвятить собственно учению только шесть; целый год был истрачен на различные поездки, житейские хлопоты и проповеди. Считая себя все-таки достаточно подготовленным, Лойола перешел на

философские курсы в коллегию св. Варвары на Реймской улице; эта коллегия была основана в 1460 году профессором из Наварры Ленорманом и управлялась особым советом из монахов, тогда как коллегия Монтегю, основанная в 1314 году руанским архиепископом Жиллем Айселэн де Монтегю, имела характер более светский и управлялась единолично провизором.

Три ученика, завербованные Лойолой, не удовлетворяли его, и он решил усилить состав общежития. С этой целью он начал пропаганду среди товарищей по коллегии. Ораторский талант, несомненно развившийся к этому времени у Лойолы, привлекал к нему множество слушателей, заинтересованных живым словом, а не схоластической риторикой, лишенной глубины и мысли. Случилось однажды, что целый курс собрался слушать проповедника, оставив старичка-профессора одного в зале; оскорбленный преподаватель пожаловался приору коллегии, что Лойола бунтует студентов, и приор внес в совет монахов требование высечь виновного. Председательствующий монах Говеан, родом из португальских дворян, потребовал Лойолу, выслушал его оправдательную речь, пришел в умиление, расплакался и объявил в совете, что перед ними святой человек. Отпущенный с честью Лойола тем не менее потерял авторитет среди товарищей, которые от него отвернулись, как от предназначенного к сечению. В это же время покинули по неизвестным причинам общежитие и три ученика, быть может, недовольные строгостью своего старшего. Огорченный этими неудачами, Лойола усердно начал заниматься науками, окончил курс в коллегии св. Варвары с ученой степенью того времени “magistre es arts” и в 1532 году поступил на богословские курсы в доминиканский монастырь на улице св. Иакова. Таким образом, за все свое пребывание в Париже Лойола почему-то не нашел нужным слушать лекции университетских профессоров; по недостатку материалов трудно сказать, не было ли связи между этим избеганием университета и путешествием Лойолы от Саламанки до Парижа, а также поездкою его во Фландрию и Англию.

Занимаясь богословием у доминиканцев, Лойола приступил в третий раз к вербовке учеников-товарищей для задуманного духовного братства. На этот раз его выбор был удачнее. Первым присоединился молодой священник Лефевр, родом из городка Вилларе в Савойе, тихий и кроткий по характеру, набожный и ученый; суровый и властный Лойола подчинил его своему авторитету без труда, но долго возился, пока справился с Ксавье, вторым учеником. Ксавье родился 4 апреля 1506 года в замке Ксавье близ Пампелуны, столицы испанской Наварры, сошелся с Лойолой еще в

коллегии св. Варвары, где окончил курс, и поступил преподавателем философии в Бове, расположенный в 72 километрах от Парижа. Честолюбивый, мечтающий о громкой славе, он долго отказывался войти в союз с Лойолой, и только обещание последнего дать ему возможность прославиться сломило упорство пылкого васкона, каким был будущий “апостол Индии”. Лайнес и Сальмерон явились сами к автору “Духовных упражнений”. Первый из них родился в Альманкарио, селении близ кастильского города Сигвенцы, в 1512 году и слушал лекции сначала в Алкале, а потом у доминиканцев вместе с Лойолой; начитанный, скромный по наружности, с вкрадчивыми манерами и увлекательным красноречием, Лайнес лучше многих оценил достоинство задуманного дела и увлек за собою Сальмерона; последний родился в 1516 году в Толедо и также учился одно время в Алкале. Привлеченные слухами о проповеднике нравственности, к союзу примкнули Альфонс, прозванный по месту рождения Бобадилья, и Родригес, родом из Буцеллы. Таким образом, вокруг Лойолы сошлись шестеро молодых людей с пустыми карманами, но религиозные, послушные воле старшего, преданные католической церкви и готовые бороться за нее с кем угодно. Союзники часто сходились вместе и вели беседу о том, как они покорят без оружия всю Палестину, откуда десять лет тому назад был выгнан печальный рыцарь Св. Девы Марии.

Умудренный опытом прошлого, Лойола не хотел снова терять учеников-союзников и решился торжественно закрепостить их, убедившись, что вся эта молодежь религиозна и совестлива. С этою целью, по его приглашению, все семеро собрались 15 августа 1534 года в одном из подземелий Монмартра, в котором, по преданию, был замучен 9 октября 272 года первый епископ парижский, св. Дионисий, с товарищами Рустиком и Элевферием. В день Успения Богородицы Лефевр в качестве священника отслужил обедню, и затем все поочередно дали перед алтарем обет целомудрия и вечной бедности; кроме того, обещали по окончании ученья ехать миссионерами в Палестину; если же это окажется невозможным почему-нибудь, то явиться в Рим, дать папе клятву безусловного повиновения и отдаться в его полное распоряжение. Относясь серьезно к принятым на себя обязательствам, Ксавье, Сальмерон и Лайнес заговорили о необходимости ехать в Испанию для ликвидации своих имуществ, так как трудно было предрешать заранее, кто из них и когда вернется из Палестины, да еще и вернется ли. Но верховный глава нового союза не хотел отпускать их на родину, откуда они могли и не вернуться, а потому, после зрелого обсуждения, решено было, что вместо них поедет сам Лойола и устроит все дела; духовное же братство, на время его

отсутствия, останется под руководством Лефевра, которому Лойола доверял больше, чем остальным. Кроме того, все согласились ожидать Лойолу не в Париже, а в Венеции, куда следовало собраться к 25 января 1537 года, чтобы затем немедленно отправиться морем к берегам Сирии. Покончив все эти дела, Лойола бросил учение у доминиканцев и, снабженный полномочиями товарищей, уехал из Парижа 25 января 1535 года на родину.

В жизни Лойолы наступил для биографа новый пробел, так как нет положительных сведений о том, что он делал в продолжение двух лет, оставаясь в Испании. Не в меру усердные биографы его, иезуиты Рибаденейра, Маффеи и Бутур, рассказывают, что это было вполне триумфальное шествие будущего святого. Лишь только он въехал в Гвипускоа, его встретили чуть не крестным ходом жители Ацпетии, имея во главе Бельтрама Лопеца, племянника Лойолы и старшего представителя дома Лопецев в то время. Прибыв в Гвипускоа, Лойола повидался со своими братьями, которые, конечно, принялись уговаривать его бросить свое ханжество и сделаться достойным своего имени идальго, но Лойола остался непоколебим в своем решении и не захотел даже жить в замке Лойоле, а поселился временно в близлежащем городке Ацпетиа, в приюте для бедных. Тут он со всем жаром принялся за проповеди против распущенности, маловерия и безнравственности. Успех превзошел всякие ожидания, и имя Лойолы приобрело громкую известность; многих он спас от греха, даже подействовал на обленившееся местное духовенство и, так сказать, подтянул его к более ревностному исполнению своих обязанностей. Присоединяя к словам поступки, Лойола раздал бедным свое имущество, которое, как надо полагать, досталось ему по смерти родителей; раздача эта состоялась в виде милостыни просящим бедным и в виде небольших пенсий стыдящимся просить. Кроме того, добавляют биографы-иезуиты, Лойола установил чтение молитвы “Angelus”, принятой впоследствии всей католической церковью. Совершив все это на родине, Лойола поехал в Пампелуну, Алмацан, Толедо и Сигвенцу ликвидировать дела товарищей, а покончив с этим, прямо выехал в Венецию, куда прибыл в конце декабря 1536 года.

Сколько в этом рассказе правды и лжи, решить в настоящее время затруднительно. Во всяком случае более чем странно, что Лойола, сжигаемый нетерпением осуществить давно лелеемую мысль создать духовное братство для борьбы с врагами церкви, решил празднично слоняться с лишком полтора года по деревням Гвипускоа. Очевидно, что цель поездки в Испанию у Лойолы была гораздо серьезнее. Во-первых,

биографы сами проговариваются, упомянув об имуществе. Как Лойола ни проповедовал усердно о бескорыстии и вечной бедности, но вся деятельность его, а особенно дальнейшая, указывает, что он не был чужд земному богатству. Тем более, освободившись за десять с лишком лет от психопатического изуверства и фанатизма, хотя он носил маску того и другого, практически оценивший значение денег, Лойола не мог накануне осуществления своей идеи оставаться нищим. Вероятно, еще в Париже он узнал о выпавшем на его долю наследстве, а потому и поспешил явиться лично, чтобы свести счета с братьями. Во-вторых, Лойола изведal на личном опыте силу и власть инквизиции, сосредоточенной с 1232 года в руках доминиканцев; зная, что его и в Италии и в Палестине могут обвинить в ереси, предусмотрительный васкон мог вступить в переговоры с инквизиционными судилищами в Алкале и Саламанке, чтобы заручиться своевременно оправдательными документами от лиц, судивших студента Лопец де Рекальде. В-третьих, надо с большим вероятием допустить, что в Испании жил тот неизвестный покровитель и вдохновитель, с которым Лойола сошелся во время путешествия из Саламанки в Париж и который сумел из беспокойно метавшегося психопата вновь сделать лукавого васкона.

Как бы то ни было, в конце декабря 1536 года Лойола поселился в Венеции, ожидая товарищей. Между тем оставшийся в Париже кружок не терял времени напрасно. Кроткий и симпатичный Лефевр сумел привлечь к союзу еще трех членов: своего земляка ле Жэ, родом из Аннеси в Савойе; Кодюра, родившегося в Эмбрюне, небольшом городке в Дофине; и Брузэ, пикардийца из Бретанкура возле Амьена. Когда учившиеся члены маленькой общины окончили курс наук, то все девять отправились, согласно уговору, в Венецию, избрав для этого кружной путь через Германию, чтобы испытать свои силы в словесной борьбе с лютеранами и другими отпавшими от католической церкви. В это время враги папы и католицизма держали голову очень высоко, так как протестантские князья силою оружия принудили императора Карла V признать за ними все права гражданства, несмотря на отпадение от Рима. Понятно, что в упоении своей победой половина Германии принялась с горячностью судить и рядить о религии и догматах, хотя многие из рассуждающих были недоучками и даже прямо неучами. Нет ничего удивительного, что небольшая кучка, во главе которой стоял Лефевр, проходя по Германии, часто имела блестящий успех в спорах по религиозным вопросам с тяжеловесными немцами, сбиваемыми с позиции искусной диалектикой и пламенным красноречием. Слава о духовных ратоборцах достигла

императора, и затем о них было сообщено его уполномоченному при Ватиканском дворе, Ортицу, так как сделалось известным, что студенты-богословы направляются в Италию. Действительно, пройдя Бургундию, Баден, Вюртемберг, Баварию, Зальцбург, Тироль, 8 января 1537 года Лефевр с товарищами – ядро и фундамент будущего ордена иезуитов – прибыли в Венецию, где почтительно приветствовали своего владыку Лойолу.

Глава V. Павел III и его кардиналы

Эпоха, когда Лойола сошелся с товарищами в Венеции, была очень замечательна. В первой главе мы упоминали, что Мартин Лютер нанес страшный удар власти римского папы над христианским миром, наглядно доказав, что можно быть хорошим христианином и не признавать папу абсолютным владыкою над душою и совестью каждого. С тех пор прошло 20 лет, и заразительный пример Лютера вызвал появление сотни религиозных реформаторов, благодаря которым престол римского первосвященника заколебался в своем основании. У наместника Иисуса Христа отняли Англию, Швейцарию, Палатинат, Франконию, Гессен, Бранденбург, Данию и Швецию с Норвегией, но этого было мало; идеи преобразователей католицизма стали находить доступ в Пьемонте, Савойе, в долинах Альпийских гор, на берегах Рейна, во Франции и даже в Польше. Олеронский епископ Руссель готовил Наварру к отпадению от Рима, пользуясь покровительством своей королевы Маргариты, которая в своей столице Нерак открыто принимала Кальвина под предлогом примирения его с Римом. В самой Италии дела были плохи, так как даже феррарская герцогиня Рене, кузина Маргариты наваррской, училась богословию у того же Кальвина; отважные новаторы рассыпались по всему полуострову, постепенно охватывая кольцом вечный город, и даже появлялись в его церквах. Во всем этом антикатолическом движении народ, еще не приученный к самостоятельности и собственному почину, шел покорно по следам своих правителей, которые давали тон и направление борьбе против папского абсолютизма, громко обличая все грехи римской курии. Положение папы становилось крайне печальным, он терял под ногами почву и не знал, за что ухватиться для спасения своего престола; все средства, считавшиеся прежде неотразимыми, были перепробованы и оказались бессильными помочь горю.

На римском престоле в это время был Павел III из дома Фарнезе. Добродушный и недалекий, он набрался, однако, смелой решимости заглянуть в пропасть, куда начинало скользить католичество, и с этою целью назначил особую верховную комиссию, которой поручил расследовать и донести ему о причинах упадка веры, а также о мерах, которые, по мнению комиссии, следовало принять для исправления совершающегося зла. В эту комиссию вошли: кардиналы Караффа, Контарини, Садолет и Поль, кроме того, салернский архиепископ Фрегозо,

бриндизский архиепископ Алессандри, веронский епископ Джиберто, аббат венецианского монастыря св. Георгия Кортези и доминиканец Бадиа. Перечисленные лица, образованнейшие и преданнейшие римскому престолу в ту эпоху, выполнили возложенную на них щекотливую задачу с величайшею добросовестностью и составили обширную докладную записку, в которой изобразили действительное положение папской столицы. Картина, набросанная ими, превзошла своими мрачными красками все, что когда-либо осмеливались говорить лютеране, кальвинисты, англикане, реформаторы, цвинглиане и другие враги католической церкви. Павел III ужаснулся, читая одно перечисление двадцати восьми главнейших зол, превращавших Рим в разнузданный лагерь тунеядцев, развратников и преступников; одно перечисление самых необходимых, по мнению комиссии, мероприятий для поддержания престола св. апостола Петра, давало ясное понятие о том, что делалось среди близорукого католического духовенства в первой половине XVI столетия. Требовалось следующее: суровая цензура над позорным поведением монахов; старательное искоренение предрассудков, поддерживаемых и усиливаемых монастырями; обязательное прекращение развращающей весь причт симонии, или торговли церковными должностями; освобождение духовенства от обетов безбрачия, так как внебрачное сожитие сделалось вполне обыденным явлением и зачастую видели епископов, у которых отец и дед, а иногда мать и бабка были прелатами и князьями церкви; коренное изменение духа и направления университетского преподавания, подрывавшего в корне авторитет церкви; назначение священникам и капелланам определенного жалованья, для уничтожения их алчного лихоимства и мздоимства. Вникнув серьезно в содержание докладной записки, Павел III испугался громадности задуманной реформы и, по обычаю многих своих предшественников, отложил дело в долгий ящик, передав исторический документ комиссии на хранение в ватиканский архив, где он лежит до сих пор.

В это-то тревожное для католической церкви время Лойола поселился в Венеции, ожидая товарищей. Вид республиканского и торгового города напомнил ему минувшие годы, когда он ездил в Иерусалим, и ему очень не хотелось предпринимать поездки в Святую землю, где гордого и самолюбивого васкона могли опять встретить унижения и оскорбления. В конце концов он решился не ездить туда. Когда прибыл Лефевр с товарищами, Лойола представил им трех новых сочленов, завербованных в самой Венеции его стараниями; это были два зажиточных брата из испанской Наварры, Эстебан и Хаим Эгвиа, и талантливый богослов Госец,

родом андалузец из полумавританской Малаги. На расспросы прибывших Лойола рассказал, что, покончив дела в Испании, он заехал почему-то в Валенсию, оттуда на корабле достиг Генуи, а затем пешком, побираясь Христовым именем, поплелся на место свидания; так как подаяния были очень скудны, то часто приходилось Лойоле голодать, а под Болоньей он едва не умер от истощения. Трудно верится этому рассказу, так как известно, что у Лойолы были в это время значительные деньги, собранные с собственного наследства и после ликвидации имущества Ксавье, Лайнеса и Сальмерона. На вопрос товарищей, когда же они отправятся в Палестину, он уклончиво объяснил, что теперь зима и потому переезд может быть крайне тяжелым, а лучше всего дожидаться весны, то есть марта и апреля. Вслед затем Лойола предложил членам братства не терять даром времени, а принять на себя уход за больными в госпиталях св. Иоанна, св. Павла и для неизлечимых; те последовали безропотно этому приказанию и усердно взялись за дело, причем больше всех прославился Ксавье. Оставшись один, Лойола принялся исправлять и наставлять в делах веры венецианцев, когда-то осмеявших его.

Такое специальное занятие для светского человека не могло остаться безнаказанным. Встревоженные вторжением какого-то иностранца в их область, венецианские священники ополчились против Лойолы и привлекли его к ответу перед духовным судом. Однако глава зарождающейся новой общины не был уже тем наивным рыцарем Св. Девы, который заставлял смеяться судей над своими выходками; он быстро сообразил шансы борьбы и тайно вступил в переговоры с архиепископом театинским Карафтой. В чем состояли эти переговоры, осталось тайною, но только талантливый и образованный Караффа принял сторону васконского идадьго против венецианских священников и в этом смысле подействовал на папского нунция при республике, Вералли, который председательствовал в суде. Когда наступил день разбирательства, священники просили запретить Лойоле поучать в их приходах, тем более что он не духовное лицо и, кроме того, отъявленный еретик, с позором уже изгнанный из Франции и Испании. Обвиняемый представил свои объяснения, Караффа официально подтвердил их, и Вералли торжественно произнес оправдательный приговор; Лойола вышел из суда с гордо поднятой головой. Вскоре затем Караффа, основавший незадолго на средства графа Гаэтано Тини орден театинцев, или “настоящих клириков”, в видах исправления приходского духовенства, начал убеждать Лойолу поступить со всеми его товарищами во вновь учрежденный орден, так как их цели казались одинаковыми. Но Лойола сам желал основать орден, в

котором он был бы полным хозяином, а потому ответил архиепископу решительным отказом. Дружба с прелатом кончилась, но Караффу вскоре вызвали в Рим, сделали кардиналом и назначили в комиссию, о которой было говорено раньше; поэтому размолвка его с Лойолой кончилась пока ничем.

Подошла весна, и члены кружка снова заговорили о поездке в Иерусалим. Зная через Караффу, что на море вскоре возгорится серьезная война против мусульман и, следовательно, переезд будет немислим, Лойола не противоречил, но доказал на общем собрании, что без благословения святейшего отца предприятие невозможно, иначе в Палестине им будут мешать на каждом шагу. С такими доводами пришлось согласиться, и сообща постановили командировать в Рим Лефевра и Ксавье за благословением всей общине и за разрешением рукоположения в священники светским членам этой общины. Сам Лойола побаивался ехать в Рим, не зная, как отнесется к нему кардинал Караффа. Посланцы прибыли в вечный город и обратились за содействием к имперскому уполномоченному Ортицу, которого Лефевр знал лично. Ортица принял их очень ласково и выхлопотал им аудиенцию у Павла III, рассказав ему, вероятно, о подвигах Лефевра с товарищами в Германии. Первосвященник принял Лефевра и Ксавье благосклонно, благословил их на миссионерский труд в Палестине, подарил им на дорогу 60 дукатов и разрешил принять рукоположение у любого епископа. Вполне довольные посланцы стали собирать деньги на дорогу, преимущественно среди испанских купцов, живущих в Риме, набрали около 150 дукатов и радостно возвратились в Венецию к Лойоле.

Решено было без промедления всем принять священнический сан, кроме Лефевра и Лайнеса, которые были рукоположены еще во Франции. Однако сделавшийся подозрительным Лойола не хотел обращаться к подчиненным Караффе епископам и воспользовался приездом в Венецию арабского епископа из Далмации; тот немедленно согласился, и 24 июня 1537 года состоялось торжественное рукоположение в священники самого Лойолы, Ксавье, Сальмерона, Бобадильи, Родригеца, ле Жэ, Кодюра, Бруэ, Госоца и братьев Эгвиа. Тринадцать священников, связанных между собою клятвою в монмартрском подземелье, были готовы ехать в Обетованную землю проповедовать сарацинам учение Христа, но в это время наступательный союз папы, венецианского дожа и Карла V был формально заключен и турецкому султану объявлена война. Хитрость Лойолы удалась, так как пассажирское сообщение с Азией было прекращено и нежелательная для него поездка отлагалась на неопределенное время. Тогда

Лойола предложил рассеяться по всей Италии для вербовки новых членов, а затем, выбрав удобное время, отправиться в Рим и исполнить вторую часть монмартрского договора, то есть поступить в полное распоряжение папы. В скором времени последователи Лойолы появились в Виченцо, Тревизо, Бассано, Падуе, Вероне и других городах, проповедуя против ересей, волнующих католический мир, против распущенности духовенства, против индифферентизма светских лиц и вербуя в то же время новых сочленов в свой кружок.

Сам Лойола, в силу своих тайных соображений, избрал местопребыванием Альбанетту, расположенную под стенами аббатства Монте-Кассино в области Терра ди Лаворо, принадлежащей к Неаполитанскому королевству. С этих пор бывший товарищ превращается в полновластного владыку и начинает поступать, как подобало генералу будущего всемирного ордена; всеми способами, бывшими в его распоряжении, он старается внушить прежним товарищам, что только он один пользуется благоволением свыше, он один обладает даром предвидения и только ему Бог открывает свои тайные намерения. Когда перед разлукою в Венеции захандривший Родригес задумал уйти из кружка, но не говорил об этом никому, Лойола как-то проведал его тайну, но молча уехал в Альбанетту. Родригес собрался уехать из Венеции, но вдруг явился неведомый исполин с мечом в руке и именем Бога запретил ему покидать ряды лойоловой дружины; напуганный страшным ночным посещением, невежественный Родригес покорно сдался, а Лойола из Альбанетты немедленно известил об этом чуде остальных. Затем Лойола через откровение свыше узнал и заявил окружающим, что в ту минуту скончался в отдаленной Падуе Госоц, душа которого явилась к Лойоле перед отлетом на небо. При этом совершилось новое чудо. Госоц, трудившийся с Кодюром в Падуе, отличался темным цветом лица и был очень безобразен собой; после же смерти лицо его просветлело, и он сделался поразительным красавцем. Такими проявлениями своего неземного могущества Лойола действовал на религиозно суеверных сочленов и убеждал их, что его предприятие находится под специальным покровительством Иисуса Христа и Св. Девы. Тем не менее по внешности Лойола оставался по-прежнему тихим, мягким, ласковым и скромным в костюме и привычках; в случае надобности только обнаруживал он непреклонную стойкость и пламенное красноречие.

Так провела “боевая дружина”, как ее называл сам Лойола, вторую половину 1537 года и большую половину 1538. Проповедуя усердно против ересей и заблуждений, члены дружины громогласно заявляли всем: “Мы

соединились под знаменем Иисуса Христа, чтобы бороться с ересями и пороками, поэтому мы образуем товарищество Иисуса”. Итальянцы привыкли, таким образом, видеть во главе духовных борцов за чистоту веры “Товарищество Иисуса”. К ним присоединился на место умершего Госоца первый итальянец по имени Страда, составивший уже себе имя ораторским талантом. Чем занимался все это время глава дружины, остается неизвестным, хотя он, конечно, постоянно следил и руководил действиями сочленов, направлял их в ту или другую сторону – словом, вырабатывал из них достойных представителей будущего ордена иезуитов. Только осенью нашел Лойола уместным отправиться в Рим и для этого вызвал к себе Лефевра и Лайнеса, а остальным предписал также явиться в Рим, но несколько позднее. Чтобы поддержать мужество и энергию в Лефевре и Лайнесе, своих ближайших сотрудников, Лойола прибегнул опять к чудесам. Не доходя милей двух до Рима из Альбанетты, они остановились в Ла-Сторта, небольшом селении, на выезде из которого стояла полуразвалившаяся часовня. По своему обыкновению Лойола забрался в часовню, чтобы помолиться и поручить себя и нарождающееся общество милосердию Бога; долго пробыл он там, так что товарищи стали беспокоиться; наконец Лойола вышел с сияющим, вдохновенным лицом и объявил, что он сейчас удостоился разговаривать с Богом. Бог *явился* ему со своим Сыном и поручил последнему покровительствовать новому товариществу и его старшине. Согбенный под тяжестью креста, Спаситель кротко принял изъявления преданности со стороны Лойолы и мягко произнес “*Romae tibi propitius ego*”, то есть: “В Риме я буду благоприятствовать тебе”. Ободренные таким небесным явлением спутники, с верою в успех задуманного предприятия, вошли в октябре 1538 года в вечный город.

При содействии того же Ортицы странники скоро получили аудиенцию у Павла III, который принял их благосклонно, будучи польщен покорностью людей, уже приобретших себе некоторую известность. Лойола выразил желание создать духовный орден, члены которого имели бы своей задачей обходить весь свет, поражать дурных людей словесным мечом, исправлять возникающее зло, разрушать дьявольские наваждения и стараться всеми силами возратить католической церкви ее блеск и величие. Папе понравилась мысль, и он обещал подумать, так как в принципе он всегда был против учреждения новых духовных орденов, сознавая всю их бесполезность и даже вред для церкви. На время же Павел III предложил Лефевру и Лайнесу поступить в университет Ла-Сапиенца в качестве преподавателей: первый – священного писания, а второй –

схоластики. Что касается Лойолы, то он сам вызвался исправлять нравы римлян; папа согласился на это, поручая ему разделить этот труд с театинцами Караффы, вызванными уже с этой целью из Венеции. Довольный результатами аудиенции, Лойола поселился в доме испанского идадьго Гарцонио и приступил к исправлению римских нравов. Он неутомимо посещал церкви, хотя чаще всего был в церкви Богоматери монтесерратской, поучал по-кастильски народ и обличал еретиков в самой резкой и беспощадной форме. Постепенно стали подходить “дружинники” из разных городов, и Лойола распределял между ними городские участки, в пределах которых те занимались также исправлением нравов и обличением еретиков. О них заговорили в Риме и заговорили с уважением как о безупречных людях.

В Риме славился в это время проповедник Аостино, родом из Пьемонта, монах ордена августинцев, привлекавший многочисленную толпу благочестивых слушателей. Лойола восстал против этого лукавого и снисходительного проповедника, доказывая, что он, под маскою ложного усердия к престолу св. Петра, сеет в народе ересь Кальвина. Задетый Аостино стал возражать, и между ними возгорелся отчаянный словесный поединок, окончившийся через некоторое время полной победой Лойолы. Тогда униженный августинец сделал донос властям, указывая, что сам Лойола еретик, осужденный инквизиционными судами в Алкала де Генаресе, Париже и Венеции, где его восковое изображение было предано сожжению, так как сам виновный спасся бегством. Этот донос скоро сделался известен по всему городу, и Лойола потерял то уважение и обаяние, какими он пользовался до сих пор. Глубоко оскорбленный в своей гордости Лойола обратился к бертинорийскому епископу Конверсини, исправлявшему должность римского губернатора, с просьбой ускорить по возможности судопроизводство. Папы в это время не было в Риме, он находился в Ницце, где старался помирить германского императора с французским королем. Конверсини, зная, что Лойола пользуется благосклонностью Павла III, исполнил его желание и окончил следствие довольно быстро. Донос не подтвердился, а находящиеся почему-то в Риме инквизиторы Фигвероа, Фриас и Ори, а также легат в Венеции Вералли лично подтвердили на суде, что Лойола был оправдан ими. Суд торжественно оправдал обвиняемого, и Аостино должен был спасаться бегством в Женеву, где вскоре выступил явным врагом католицизма.

Глава VI. Учреждение “Товарищества Иисуса”

Между тем еще в пост 1539 года вся “боевая дружина” Лойолы собралась в римском доме идадьго Гарцонио, где начались правильные заседания защитников католической религии. В первом заседании Лойола сказал: “Небо закрыло нам путь в землю Обетованную с той целью, чтобы отдать нам весь мир. Немного нас теперь для такого дела, но мы умножаемся и начинаем формировать батальон. Однако никогда отдельные члены не окрепнут в достаточной степени, если между ними не будет общей связи; поэтому нам необходимо создать устав для семьи, собранной здесь во имя Бога, и дать не только жизнь новоучреждаемому обществу, но и вечность. Помолимся же все вместе, а также и каждый отдельно, чтобы воля Господня исполнилась”. В одном из следующих заседаний Лойола подтвердил свои гордые слова: “Мы, рыцари, призваны самим Богом, чтобы духовно покорить весь мир, поэтому вполне необходимо, чтобы наше товарищество образовало боевую дружину, способную просуществовать до конца мира. Сомневаться же в вечности мы не имеем права, потому что она формально обещана нам Господом Богом и Иисусом Христом”. Единогласно было решено в заседании побудить папу дать согласие на учреждение их товарищества, несмотря на то, что Павел III был вообще против духовных орденов. При этом зашла речь о названии. “Если вы мне доверяете, – заявил Лойола, – то мы назовем наше общество товариществом Иисуса. Это название выше других, и оно внушено мне двукратно свыше: в моем манреском убежище и в последнем видении близ Рима, когда Предвечный Отец сделал меня товарищем Своего Сына (*quando el Padre Eterno me puso con su Hijo*). Поэтому, дорогие братья, не ищите другого названия”. Из этих речей становится очевидным, что в альбанеттском убежище Лойола выработал не спеша и обдуманно полную программу своих будущих действий.

Приближалась суровая и беспощадная зима 1539 года, долго остававшаяся в памяти римлян по своим последствиям: начался голод, и бедняки десятками замерзали на улицах и площадях. В это-то время выступил полузабытый и избегаемый со времени процесса Аостино нищий проповедник Лойола. Он понял, что наступил удобный момент вернуть необходимые ему симпатии жителей Рима, и не пожалел для этого

накопленных сообща денежных средств. Его последователи ходили по всему городу, подбирали замерзающих и относили в дом Гарцонио, временно превращенный в обширный приют; здесь их отогревали, кормили, поили, давали одежду и небольшие суммы денег. Затем в свободные минуты обходили дома богачей и собирали щедрое подаяние во имя голодающих; таким образом, весь Рим знал, чем занимается общество Лойолы. Немудрено, что по окончании бедствия, уже весной 1540 года, благодарность народа не знала границ, и все подозрения в ереси, возникшие еще при Аостино, рассеялись бесследно.

Политические затруднения продолжали удерживать Павла III в Ницце, а потому, чтобы не терять бесполезно времени, Лойола составил сжатый проект устава будущего общества и через кардинала Контарини отослал его в собственные руки папы. Последний прочел внимательно проект и радостно воскликнул: “Здесь виден перст Божий!” Дело в том, что кроме трех обычных монашеских обетов в проекте был помещен четвертый: “Посвятить свою жизнь постоянному служению Христу и папе, исполнять военную службу под знаменем креста, служить только Иисусу VI римскому первосвященнику как его земному наместнику; таким образом, только настоящий папа и его преемники будут повелевать орденом в делах спасения душ и распространения веры, и в какие бы он страны для этого ни посылал членов ордена, они, без малейшего замедления и без всяких отговорок, насколько только позволяют им силы, обязаны немедленно исполнять”. Папа понял, что он приобретает могущественного союзника для борьбы с врагами его престола. Не желая, однако, решать такого важного дела единолично, Павел III переслал проект на рассмотрение лучшему богослову и канонисту, кардиналу Гвидиччиони, сам же нашел целесообразным испытать на деле силы нового общества. С этой целью, для борьбы с ересями и религиозными новшествами, Лайнес и Лефевр были посланы с кардиналом Филонарди в Парму, Бобадилья – на остров Искию, ле Жэ – в Бресча, Кодюр – в Падую, Бруе и Страда – в Сиенну, Ксавье и Родригец – в Лиссабон. Во всех названных городах поручения Павла III были исполнены в высшей степени удачно, и общее внимание обратилось на этих даровитых и пока вполне скромных слуг папского престола. Лойола же с Сальмероном и братьями Эгвиа оставался в Риме, где продолжал приобретать симпатии жителей и очищать столицу от свободомыслия.

Проект устава между тем сел на мель. Кардинал Гвидиччиони, суровый пурист, придерживающийся буквы закона, отказался даже просмотреть присланный папой проект, опираясь на постановления

латеранского и лионского соборов, состоявшихся в 1215 году при Иннокентии III и в 1274 году при Григории X, которыми прямо воспрещалось учреждение новых орденов. Однако Лойола не унывал, извещаемый своевременно многочисленными друзьями, которых он сумел приобрести повсюду, о том, что делается против него и за него. Какие средства были употреблены, чтобы повлиять на строгого кардинала, осталось неизвестным; явно же Лойола ничего не предпринимал, он только молился, чтобы Бог вразумил Гвидиччиони. Наконец он торжественно обещал отслужить три тысячи обедней, и на кардинала вдруг снизошло наитие свыше: неожиданно для всех он тщательно прочел проект и нашел его превосходным; два других кардинала, составившие с ним комиссию по воле папы, немедленно согласились с его авторитетным мнением, и судьба Лойолы была решена.

Возвратившийся из Ниццы Павел III, которому удалось хотя на время примирить Карла V с Франциском I, был очень доволен согласием кардинальской комиссии. 27 сентября 1540 года была подписана булла “Regimine militandis ecclesiae”, которою учреждалось “Товарищество Иисуса”, или “орден иезуитов”. В этой довольно пространной булле сказано, между прочим: “Товарищество, или общество Иисуса состоит из тех, которые во имя Бога желают быть вооруженными под знаменем креста и служить единому Господу и первосвященнику римскому, Его викарию на земле. Принятые в товарищество должны дать обет целомудрия, бедности, послушания генералу ордена и повиновения правящему церковью папе. Генерал ордена не ограничен в своей власти, но он обязан составить конституцию или устав общества с согласия большинства сочленов, в управлении же делами товарищества ему предоставляется полная свобода. Число членов товарищества не должно превышать шестидесяти”. Одна уже эта выдержка дает полное право предположить, что черновую этой буллы составлял гибкий и изворотливый Лайнес под диктовку Лойолы, так-таки и не выучившегося излагать свои мысли по-латыни. Кроме того, почти в самом начале буллы сказано, что Лойола с товарищами окончили курс Парижского университета; между тем мы видели раньше, что университета Лойола не посещал вовсе и даже не окончил курса в доминиканской коллегии. Употреблено ли это выражение так себе, для большей важности, или васконский идалго представил подложный диплом, остается для нас вполне неизвестным.

Выполнив все возложенные на них поручения, большинство иезуитов, как мы должны теперь называть сподвижников Лойолы, возвратились в Рим, чтобы принять участие в радости своего владыки, заветная мечта

которого наконец осуществилась. Не явились только Родригес, снискавший в Лиссабоне полное доверие португальского короля Жуана III и почти неограниченно распоряжавшийся церковными делами Португалии, и Ксавье, отправленный в качестве апостольского легата в Ост-Индию, что всегда составляло его пламенную мечту. Но папа спешил пользоваться трудами “боевой дружины”, овладевшей уже его полным доверием. Вскоре после обнародования буллы Лефевр был командирован с особым поручением в Испанию, Сальмерон и Бруэ отправились в Ирландию поддержать католиков в борьбе с английским королем Генрихом VIII, Бобадилья и ле Жэ были посланы в Германию бороться с протестантизмом, а Лайнес поехал в Венецию улаживать какие-то недоразумения. Благодаря их повсеместному появлению, в Европе скоро заговорили о иезуитах, называя их первое время разными именами: в Венецианской республике их называли театинцами, по сходству первоначальной деятельности с орденом, созданным кардиналом Карафрой; в Терра ди Лаворо – езуинами; в Романье – священниками св. Лучии, так как впервые они стали проповедовать в болонской церкви этой святой; в герцогстве феррарском – скофиотти, от головного убора; в Испании – иньигистами, в честь основателя ордена; только во Франции и в Риме их сразу стали называть иезуитами.

Что касается Лойолы, то он тихо и спокойно сидел в Риме, продолжая воздвигать и укреплять новое здание, созданное исключительно его заботами и настойчивостью. Наступило время избрания генерала ордена иезуитов и, по воле Лойолы, все его сподвижники вернулись в дом Гарцонио, за исключением Ксавье, уже уезжавшего в Ост-Индию, и Родригеса, которые прислали свои голоса из Лиссабона. С молитвою приступили иезуиты к баллотировке по запискам и, конечно, единогласно избрали Лойолу, который, ни с того ни с сего, начал скромничать, отказываясь от высокой чести и уверять, что такая задача ему не по силам. Хитрый идальго заставил еще два раза повторить баллотировку и только тогда, видя в единодушии бывших товарищей неисповедимую волю Божию, согласился принять должность генерала. На страстной неделе, 17 апреля 1541 года, этот выбор был утвержден Павлом III, и иезуитам оставалось только исполнить еще одну формальность.

22 апреля все наличные иезуиты собрались к обеду в церковь св. Павла, расположенную вне городских стен и называемую поэтому *chiesa extramuros*. Обедню служил впервые генерал ордена, который перед раздачей причастия громогласно прочел буллу, учреждающую орден, и затем всенародно произнес обеты, указанные в булле. Перед окончанием же

обедни Лойола принял перед главным алтарем присягу от своих сочленов, причем последние, в знак покорности, целовали его руку. С этого дня орден иезуитов официально стал существовать и с первых же дней нарушил данный обет быть бедным, так как Пиетро Кодаче, богатый римский дворянин и офицер папской гвардии, давно сделавшийся покорным слугой Лойолы, пожертвовал ордену все свое значительное имущество и сам поступил в иезуиты. В эту эпоху, на пятидесятом году жизни, Лойола вовсе не был похож на бравого когда-то офицера Лопеца де Рекальде; в настоящее время это был человек среднего роста, слегка прихрамывающий, лысый, с лицом оливкового цвета, впалыми щеками, большим лбом, сверкающими и глубоко сидящими глазами; общее выражение лица было несколько загадочно-странное: по мнению друзей на нем лежал отпечаток святости, враги же утверждали, что это просто помешанный человек. На самом деле это был упрямый васкон, задумавший и создавший грозную боевую дружину для охраны и защиты католицизма, могучий оплот обскурантизма и религиозного фарисейства.

Глава VII. Устав ордена иезуитов

Ни одна конституция европейского государства не заставляла так много говорить и писать о себе, как конституция или устав ордена иезуитов. Ее разбирали по косточкам, обсуждали каждую фразу и высказывали самые разнообразные суждения о ее достоинствах и недостатках; а из этих суждений делали те или другие выводы о личности автора конституции, Игнатия Лойолы: одни считали его мировым гением, создавшим устав, выше которого ничего не было и не будет в человеческом обществе; другие высказывали убеждение, что этот устав слепок из кусочков, сочиненных разными людьми и в разные времена, так что на долю Лойолы приходится самая ничтожная часть. Причина подобных разногласий кроется в том, что Павел III разрешил существование общества, устава которого он не знал, так как этого устава еще не было. Лойола только начал составлять устав в половине 1541 года при содействии Лайнеса и своего секретаря Паланки, переводившего с кастильского на латинский. Когда была окончена работа, неизвестно, но обнаружен печатный устав был после смерти Лойолы – по одним сведениям в 1558 году, а по другим в 1584. Таким образом, не имея перед собою кастильского текста, в настоящее время невозможно отграничить произведения Лойолы от позднейших вставок и добавлений его преемников в должности генерала ордена. Приходится делать это наугад, ощупью, соотносясь с характером Лойолы, насколько он известен из разноречивых показаний. По нашему мнению, большинство добавок в уставе относится к правам и обязанностям генерала; остальное, почти целиком, должно быть приписано исключительно Лойоле. Дело в том, что, как кажется, Лойола схитрил перед папою, уверяя его, будто он приступил к составлению устава только после утверждения ордена; на самом деле он занялся этим трудом с половины 1537 года, тотчас по переселении в Альбанетту. Окончив работу, он не показывал ее, а несколько лет исправлял, проверяя сам на практике ее хорошие и дурные стороны. Только таким способом можно объяснить цельность, стройность и живучесть организации, существующей до сих пор и создавшей одно время ордену иезуитов всемирную монархию.

Видя печальное положение католической церкви, поколебленной отпадением нескольких миллионов людей почти одновременно, так что римские первосвященники становились в тупик, не зная, как помочь беде, Лойола или сам додумался или понял из докладной записки верховной

комиссии кардиналов в 1537 году, где находится корень всего зла. Павел III отступил перед исполинской задачей, естественно вытекающей из смысла докладной записки: перевоспитать все католическое общество; самолюбивый васкон отважно и уверенно принял эту задачу на себя и начал приводить ее в исполнение так умело и последовательно, что не встречая орден иезуитов стойкого отпора во Франции, северной Германии и России, то легко могло бы случиться, что весь христианский мир сделался бы католическим. Система, принятая Лойолою, была очень нехитрая, но в этой простоте и заключалось все ее величие; придя к убеждению, что воспитание и образование, даваемое пастве без строгого контроля пастыря, ведет к вольнодумству, свободомыслию и неповиновению, он решил, что воспитание и образование должны быть сосредоточены в одних руках, но в руках надежных. А для того, чтобы орден иезуитов и был “этими надежными руками”, Лойола создал образцовую организацию внутреннего устройства ордена. Таким образом, главной задачей “Товарищества Иисуса” было овладеть воспитанием и образованием молодежи, преподаванием в низших, средних и высших учебных заведениях, – словом, переформировать вполне умственный ценз христианского мира; поэтому благотворительность во всех видах, миссионерство среди нехристиан, разъяснение богословских истин в исповедальне и с церковной кафедры, – все это становилось для иезуитов второстепенной задачей, на которую они сравнительно и не налегали особенно. Не доверяя такого дела папе, находящемуся силой обстоятельств под всеобщим контролем, Лойола создал независимого от него владыку, “черного папу”, который по уставу вполне самостоятельно шел к намеченной цели; и если, по логическому ходу обстоятельств, папы очутились в зависимости от иезуитов, а последние сознательно стремились к всемирному господству, к всемирной монархии, то винить в этом Лойолу нельзя, как нельзя обвинять огонь, что он сжигает все органические тела, оставляя после себя пепел. Своеобразная задача потребовала и своеобразного решения.

Обратимся теперь к уставу, определяющему внутреннее устройство общества, созданного Лойолой. Орден иезуитов распадается на шесть классов: “послушники”, “ученики”, “светские кандидаты”, “духовные кандидаты”, “исповедники трех обетов” и “исповедники четырех обетов”. Эти классы не представляют из себя замкнутых каст, но переход из одного класса в другой вполне зависит от способностей и степени развития экзаменуемого. Низший класс, послушники или новиицы, распадается на три параллельных отделения: светские, духовные и безразличные; первые готовятся быть учителями, чиновниками, бухгалтерами и т. д.;

вторые – священниками, миссионерами, монахами; третьи – наклонности и дарования которых еще не выяснились. Большею частью это дети или юноши, воспитываемые в духе, желательном ордену; поступить в этот класс извне может всякий, кроме бывшего уже послушником в каком-нибудь духовном ордене. Поступающий в послушники отрекается от своей воли, от своей семьи – от всего, что вообще дорого свободному человеку; он становится рабом ордена, который имеет право помыкать им как вздумается; три вступительных обета, правила повседневной жизни, одежда, пища, жилище – для всех послушников одинаковы безусловно; испытания их полной подготовленности производятся преимущественно в возрасте от 15 до 18 лет. Приносящие с собою движимое или недвижимое имущество имеют право им пользоваться для своих личных потребностей, но отчуждать не смеют, так как этим имуществом распоряжаются старшие начальники. Если послушник почувствует себя неспособным продолжать дальше жизнь в установленных рамках, то заявляет об этом одному из начальников, и тот может его уволить из ордена без всяких стеснений и церемоний.

Второй класс, ученики или схоластики, мало чем отличается от первого; только научные занятия происходят в усиленной степени и дисциплина немного строже. Ученики готовятся к произнесению данных уже ими обетов в более торжественной обстановке; однако если принятая ими на себя задача окажется непосильною, то их также могут уволить из ордена. Нет возврата в мир из третьего класса, светских кандидатов, и параллельного с ним четвертого, духовных кандидатов. Эти два класса подвергаются испытаниям во всевозможного рода занятиях, конечно, сообразуясь со способностями каждого отдельного лица; не менее десяти лет испытаний, при расчете, чтобы испытуемый был не моложе полных 30 лет, дают право произнести свои обеты в торжественной обстановке, в присутствии высшего начальства. Во время испытаний кандидаты духовные могут быть, с разрешения властей, священниками, принимающими исповедь посторонних, миссионерами, пользующимися большою свободой действий, и начальниками иезуитских коллегий; светские кандидаты также, в случае надобности, могут исправлять более или менее ответственные должности, по указанию ближайшего своего начальника.

Произнеся торжественно обеты, кандидаты переходят в пятый класс, исповедников трех обетов, не подвергаемых уже испытаниям, а сознательно несущих свою службу на пользу и процветание ордена. В этот класс принимают на 33-м году жизни, когда характер человека вполне

установится и на него можно положиться. Исповедник трех обетов трудится усиленно в различного рода должностях, согласно данной ему инструкции, но, как не подготовленный вполне, часто не знает мотивов того или другого распоряжения. Для того чтобы знать все тайные намерения, планы и соображения распорядителей судьбами ордена, необходимо удостоиться полного доверия со стороны генерала и перейти в последний, шестой, класс исповедников четырех обетов. Право произнести четвертый обет, повиновения римскому папе, предоставляется только лицу, доказавшему свою преданность генералу и ордену, такому лицу, которое не станет повиноваться папе в ущерб интересам своего ордена и сумеет дипломатично вывернуться в затруднительном положении. Строго говоря, единственно шестой класс и заслуживает названия настоящих иезуитов; в их руках находится вся судьба ордена, так как только они распоряжаются низшими классами бесконтрольно, из их среды избираются все высшие начальники и они одни знают все тайны ордена. Поэтому понятно, что число исповедников четырех обетов довольно ограничено и в самую блестящую эпоху развития могущества ордена иезуитов их не бывало больше 50 человек. Но достичь такого блестящего положения можно только после длинного ряда годов, проведенных в трудах и искусствах.

Кроме перечисленных шести классов, составляющих собственно орден, в распоряжении иезуитов были и есть так называемые “привлеченные”, или “светские” иезуиты. Эти лица, очень многочисленные, не принадлежат ни к одному из классов и, без всякой видимой связи с орденом, занимают в обществе самые разнообразные положения; тут есть чиновники, священники, военные, профессора, адвокаты, медики, юристы, кокотки, дипломаты, помещики, великосветские дамы, моряки, придворные, писари, модистки, газетные репортеры, нищие, полицейские чины, торговцы, художники, актрисы, литераторы и мастеровые. Большая часть из них воспитывалась в иезуитских учебных заведениях и сохранила связи с бывшими своими наставниками и воспитателями; другие привлечены прямо подкупом или же исполнением их домогательств различного рода, не достижимых обыкновенным путем. В большинстве случаев привлеченные так или иначе зависят от ордена, который ничем не связан с ними и всегда может отречься при промахе или скандалах с их стороны. Между тем польза от привлеченных очень велика и понятна.

Что касается внутреннего управления ордена, то во главе его стоит генерал, избираемый верховным советом или Конгрегацией пожизненно и утверждаемый папой; это утверждение обратилось впоследствии в пустую

формальность. Все члены ордена повинуются генералу беспрекословно, слепо, не позволяя себе рассуждать; прием и удаление членов вполне зависит от него, он созывает верховный совет, председательствует в нем и пользуется двумя голосами. Ничто не может совершиться в ордене без ведома и согласия генерала, от которого зависят назначения на все должности; только его “ассистенты” и советник, или “адмонитор”, назначаются верховным советом после его избрания. Если генерал уезжает по важным делам из Рима или почему-нибудь не может исполнять своей должности, его замещает им же избранный генерал-викарий; перед смертью генерал назначает своего преемника, но если он не успеет этого сделать, то исповедники четырех обетов собираются и немедленно избирают генерала, чтобы орден ни секунды не оставался без главы. Избираемый не имеет даже права отказаться от ответственной должности. По идее Лойолы суммы, отпускаемые на содержание генерала, расходуются верховным советом, который имеет право, в случае растраты и явно соблазнительного образа жизни, немедленно сместить генерала. Деятельность главы ордена заключается в непрерывном руководстве и контроле всех действий членов, для чего он поддерживает постоянную переписку, причем каждый иезуит имеет право, по делам ордена, прямо адресоваться к генералу, единственной заботой которого должно быть развитие и процветание его всемирной монархии, его государства в государствах; он может обладать научным образованием, но важнее всего для него знание человеческих слабостей, неустанная деятельность, отважная решимость, мудрая осторожность и железная сила воли для достижения намеченной цели.

Ассистенты генерала составляют его тайный совет; это его министры; они являются, в числе пяти, представителями орденских провинций, по именам которых и называются. Они созданы не только для помощи генералу, но и для надзора за ним, поэтому ассистенты могут, в случае серьезной необходимости, созвать верховный совет помимо генерала, даже низложить последнего, заручившись письменным согласием провинций. Шестой член тайного совета, адмонитор, дает секретные советы “в почтительной форме” генералу, в случае его промахов во вред ордену, и также избирается верховным советом. Такая система шпионства по отношению к властелину ордена применяется последним ко всем подчиненным ему в ордене лицам, а при содействии всех членов и “привлеченных” – к заслуживающим внимания лицам вне ордена, почему генерал постоянно знает все, что делается на свете. Необходимо заметить при этом, что шпионство над поведением генерала мало опасно ему в силу

его неограниченной власти; весь тайный совет находится прямо в его руках, он может его разогнать, арестовать, наказать, наконец генерал, в силу папской буллы 14 марта 1543 года, может самостоятельно изменить статьи устава и сделать из членов тайного совета прямых исполнителей своих распоряжений. Таким правом пользовались преемники, Лойолы, генералы Лайнес, Борджиа и Аквавива.

Вся иезуитская монархия, для удобства управления, разделяется на провинции, которых по смерти Лойолы уже было двенадцать. Во главе каждой провинции находится “провинциал”, или губернатор, заботящийся о процветании вверенной ему области и получающий приказания прямо от генерала; он назначает преподавателей для “послушников” и “учеников”, прокуроров, ведающих имущественными делами провинции, священнослужителей, светских префектов, научных префектов, санитарных префектов, исповедников, проповедников, совещательных членов, “регентов” или администраторов коллегий, профессоров и членов совета в коллегиях. Только назначение вице-провинциала, старшин домов “исповедников” и “послушников”, ректоров и канцлеров коллегий принадлежит генералу; иногда провинциал может и их назначать, но везде и всегда необходимо утверждение со стороны генерала. Чтобы последний лучше знал, на ком остановить свой выбор, провинциал через каждые три года посылает ему самый полный список всех подчиненных ему лиц, с подробным разъяснением характера, способностей, наклонностей, общественных связей и познаний каждого. В помощь провинциалу существует его тайный совет, состоящий из трех ассистентов и одного адмонитора. В соответствующих условиях находятся старшины, или “настоятели” домов исповедников трех обетов и ректоры коллегий, равноправных, в силу папского разрешения, всем католическим университетам.

Кроме шпионства тайного, но повсеместного, генерал посылает в провинции по временам “комиссаров” и визитаторов для ревизий, исправления нанесенного вреда, приема жалоб и подробного донесения о положении дел. Старшины и ректоры докладывают провинциалу письменно каждую неделю о своих делах, провинциал докладывает генералу ежемесячно, а в январе представляет годичный отчет. Раз в три года созывается провинциальная конгрегация из “исповедников” для обсуждения местных нужд и потребностей; особый депутат отвозит лично генералу полный журнал заседаний и докладывает словесно о том, что опасно доверить бумаге. Общеиезуитский официальный костюм напоминает васкона: сомбреро или шляпа с полями, старинный черный

плащ и под ним черная сутана; в случае же надобности иезуит может явиться в омофоре епископа, мантии кардинала, мундире офицера, сюртуке частного лица и фраке светского щеголя. О наружности иезуита есть предписание Лойолы: “Голова слегка наклонена вперед, но не свешена вправо или влево; глаза опущены настолько, чтобы не смотреть на собеседника, а искоса следить за ним; хмуриться и морщить нос не следует, вообще сохранять невозмутимость, но при этом внешний вид иметь больше ласковый и довольный, чем печальный; не разевать рта и не поджимать губы; ходить по возможности всегда степенно”. Прежде чем установить это правило, Лойола долго обдумывал его, плакал и семь раз обращался с молитвою к Богу.

Глава VIII. Генерал Иньиго Лойола

Уступая “настояниям” своего духовника, священника Теодосио при церкви св. Петра монторийского, Лойола принял должность генерала ордена после третьей баллотировки и, чтобы публично показать пример смирения, первые дни исполнял должность кухонного мальчика. Затем он вернулся к своим обычным занятиям в созданной им школе, где обучал очень успешно мальчиков, несмотря на плохое знание итальянского и латинского языков. Бывший офицер приобрел такую славу своими педагогическими приемами, что даже богатые родители охотно помещали своих детей в его скромную школу. Кроме того, он почему-то полюбил евреев и ревностно старался обращать их в христианство; успех подтолкнул его идти дальше, и он нашел новую специальность: исправлять и обращать на путь истины падших женщин. Почти ежедневно он посещал площади, базары, рынки, дома терпимости и разные притоны вечного города; везде раздавалась его страстная, вдохновенная речь, и почти всегда ему удавалось увести раскаявшуюся в особо устроенный им приют, где он также поучал женщин христианским добродетелям и евангельским истинам. Вслед за тем Лойола создал второй приют, где находили убежище одинокие благородные девушки и молодые женщины, спасаясь от мирских соблазнов, а подчас и нищеты. Многие женщины из обоих приютов посвящали себя Богу, поступали в монастыри, принимали на себя обучение детей, и легко понять, как эти “привлеченные” ревностно служили целям ордена, поддержавшего их в тяжелую минуту. Только со вторым приютом случился скандал. Туда попала замужняя женщина, и ее родственники распустили по Риму слух, что она находится в любовной связи с Лойолой и некоторыми его друзьями; весь город заговорил об этом, и сконфуженный генерал вынужден был прибегнуть к декрету Павла III, чтобы разъяснить дело и успокоить общество.

Одновременно с этими делами Лойола составлял по-кастильски конституции, или устав своего ордена. Поклонники его уверяют, будто во всех, мало-мальски затруднительных вопросах генерал обращался за разъяснениями непосредственно к Богу, благодать которого видимо почивала на нем. Обыкновенно, как рассказывают, Лойола излагал сомнительный для него параграф на бумаге, которую помещал на престоле на все время обедни; если по окончании обедни текст оставался без изменения, то Лойола считал одобрение Бога несомненным. Рассматривая

этот устав, составленный при божественном сотрудничестве, можно видеть, что главными консервативными тормозами, предохраняющими орден иезуитов от распада, были следующие пункты: система взаимного шпионства, доведенная до виртуозности; формальное запрещение членам ордена принимать должности и звания вне ордена; учреждение цензурной комиссии из трех делегатов, без одобрения которых ни один иезуит не смел напечатать что бы то ни было. Благодаря этим основным правилам орден иезуитов, несмотря на значительные промахи своих отдельных членов, имеет возможность существовать до настоящего времени, правда, не признаваемый многими *de jure*, но фактически пользующийся большими богатствами, властью, силой и несомненным влиянием.

Занимаясь всем вышесказанным, Лойола зорко следил за первыми шагами в свете своих сочленов, ободряя одних, сдерживая других, исправляя промахи третьих; главнейшая задача ордена преследовалась им неумолимо, и многие из его подчиненных действовали в этом отношении единодушно и с блестящим успехом. Желая поддержать доверие к себе, генерал повторил чудо 1537 года: проезжая с Виоле 29 августа 1541 года по мосту Сикста, он вдруг остановился и с молитвой объявил, что видел улетающую душу Кюдюра, который умер в это время в Падуе. Видя рвение и усердие Лойолы в исполнении принятого им на себя обязательства бороться с врагами католической церкви и папского престола, Павел III обнародовал 14 марта 1543 года буллу "*Injunctum vobis*", в которой разрешил ордену иметь неограниченное число членов и, кроме того, в знак полного своего доверия дал право генералу изменять статьи устава сообразно с обстоятельствами и требованиями времени, без ведома самого папы. В силу таких обширных полномочий Лойола сделал некоторые изменения во внутреннем устройстве ордена; до сих пор члены ордена делились на два класса: послушников и исповедников четырех обетов; находя это не соответствующим действительным потребностям растущего не по дням, а по часам ордена, Лойола ввел постепенно еще два класса, духовных и светских кандидатов. Эта реформа была одобрена новой буллой 5 июня 1546 года "*Exponi vobis*". Затем для послушников Лойола сделал обязательным изучение его "*Духовных упражнений*", написанных по-кастильски еще в Манресе. Когда враждующий с иезуитами архиепископ толедский Силичео запретил формально употребление этой книги, переполненной описаниями военных действий Иисуса Христа против сатаны, неугомный генерал вызвал к себе наиболее образованных "*кандидатов*" и велел им сделать перевод по-латыни; лучшим переводом оказался труд француза Андре Фрюза. Его перевод напечатали и передали

покровителю испанских иезуитов, герцогу Франциску Борджиа-Гандиа, а тот представил его Павлу III; папа рассмотрел и одобрил “Духовные упражнения”, о чем и заявил 31 июля 1548 года в булле “Approbatio exercitiotum”, настоятельно рекомендуя их всем набожным людям и порицая сурово хулителей книги.

Родригец и Ксавье были избраны самим Лойолой, когда португальский король Жуан III, снесшись письменно со своим другом Говеаном, провизором коллегии св. Варвары в Париже, обратился "Через своего посланника в Риме Маскареньяса, родственника Алиеноры Маскареньяс и духовного сына самого Лойолы, к папе с просьбой прислать иезуитов для исправления веры и нравов португальцев. Потрудившись сначала совместно и овладев доверием слабохарактерного и недалекого по уму Жуана III, Ксавье отправился в португальскую Ост-Индию в качестве папского легата. Это было в мае 1541 года. Побывав в Мозамбике, Ксавье прибыл в Гоа и принялся ретиво и своеобразно обращать туземцев в христианство; он учил детей молитвам, платя за это сладостями, а когда те твердо отвечали урок, приказывал учить родителей и заносил семью в список христиан. Индусы смеялись над оригинальным миссионером и прятались от него, если он являлся с военным конвоем. Недовольный сдержанностью вице-короля, не дававшего ему батальонов, Ксавье заставил Жуана III сместить его, а затем, воспользовавшись случаем, отправился в Индо-Китай, на полуостров Малакку, на Зондские, Молуккские и Филиппинские острова, долго жил в Японии и умер 3 февраля 1552 года у южной границы заветного для него Китая, обратив по своему способу почти 200 тысяч человек в христианство и вытребовав в Гоа доминиканских инквизиторов для поддержания повиновения среди бунтующих туземцев. Ксавье признан, однако, папой святым и прозван апостолом Индии.

Родригец, сын сапожника из Буцеллы, остался один при лиссабонском дворе и повел иезуитскую пропаганду со всею наглостью зазнавшегося простолюдина, попавшего в барские хоромы. Пользуясь покровительством короля, он немедленно, исполняя заветы Лойолы, основал в университетском городе Коимбр первую в Европе иезуитскую коллегию, чтобы бороться со светскими преподавателями; после отъезда Ксавье явилась вторая коллегия в Оporto. Исполняя второй завет Лойолы, Родригец старался снискать расположение знатного дворянства и для этого всеми дозволенными и недозволенными средствами привлекал знатных юношей в ряды иезуитов; таким образом, в списке членов появились в короткое время Баретто, Сильвейра, братья Менесес, Камара, Энрикец и

даже Браганца. Последнего, близкого родственника Хуана III, Родригес насильственно увез в дом “исповедников” и заставил принять пострижение. Дворянство, оскорбляемое иезуитами, почти взбунтовалось и подало королю петицию; король стал упрекать Родригеца, но тот с неподражаемой дерзостью обругал за это его и заявил, что если король посмеет настаивать, то он сам уедет и увезет всех иезуитов из Португалии. Хуан III испугался, уступил и стал еще более раболепным; когда Родригес захворал в Альмейрике, то король со всем двором навещал его несколько раз, недовольных иезуитами сажал в тюрьму, поручил Родригецу воспитание своего сына и наследника престола, принца Хуана, и дал средства устроить третью коллегию в Эворе. После 1543 года у большинства аристократов духовниками были иезуиты. Вскоре затем иезуиты проникли в Бразилию, в 1549 году утвердились там, а в 1553 году Лойола должен был назначить туда особого провинциала. Понятно, что Родригес зазнался и начал пренебрегать своими прямыми обязанностями настолько, что коимбрская коллегия вместо соперничества с университетом была заброшена и почти развалилась. Долго переносил Лойола своеволие своего любимца, но последнее обстоятельство вывело его из терпения, и Родригес был смещен из провинциалов, чем крайне огорчился португальский король. Подстрекаемый Родригецом, Хуан III поссорился с Лойолой, но последний сумел внушить к себе доверие и помирился.

Сальмерон и Бруэ были отправлены папой в качестве легатов в Ирландию; злоупотребляя своим положением, они так бесцеремонно и нахально обращались со свободолюбивыми ирландцами, что те несколько раз покушались на их жизнь. Не принеся пользы и спасая свою жизнь, достойные легаты тайком бежали из Дублина в Италию, где дела ордена процветали. Лайнес тактично повел дело в Венеции и снискал доверие общества; Лип-помани подарил ордену дом и землю в Падуе, чтобы устроить первую в Италии иезуитскую коллегию, которой сначала руководили Паланка и Фрюз; то же самое сделал Мендози в Тиволи, Дориа в Генуе и кардинал Карпи в Лоретто. Постепенно основались коллегии в Мессине, Палермо, Неаполе, Турине, Мантуе, Флоренции, Ферраре, Болонье, Парме, Сиенне и Авиньоне; благодаря такому успеху Лойола нашел необходимым разделить Италию на три провинции. Папа разрешил выстроить в Риме огромный дом для надобностей ордена и радовался успеху исполинского предприятия. По указанию Лойолы Сальмерон стал руководить пропагандой в Модоне, Бруэ в Сполето, а Лайнес и Араоц в качестве провинциалов в Венеции, Падуе и Неаполе. Из-за недостатка людей Лойола захотел облегчить условия зачисления в “исповедники”, но

случай с Постелем вынудил его оставить прежние условия. Вильгельм Постель, из подонков немецкого бюргерства, обратил на себя внимание генерала и быстро был переведен в старший класс; почувствовав свою силу, он сделался так дерзок и груб, как только может быть зазнавшийся немец, поэтому Лойола вынужден был торжественно выгнать его из состава ордена и удалить даже из Италии. 3 июня 1545 года была обнародована булла “Cum Inter”, которой Павел III разрешал любезным его сердцу иезуитам совершать богослужения во всех церквях, селениях, на всех дорогах и площадях, не испрашивая разрешения местного духовенства, повсеместно проповедовать, поучать, исповедовать, отпускать грехи, кроме указанных в особом списке, изменять сущность даваемых частными лицами обетов и подвергать безапелляционно провинившихся духовному наказанию.

Португальская принцесса Мария, дочь короля Хуана III, выданная по настоянию Родригеца замуж за испанского принца Филиппа, сына Карла V, в 1543 году, привезла с собою в Вальядолид, тогдашнюю столицу Испании, Лефевра и Араоца. Эти два даровитых иезуита приобрели покровительство вице-короля Каталонии, герцога Франциска Борджиа-Гандиа, правнука по матери короля Фердинанда-Католика; этот знатный вельможа, правнук по отцу папы Александра VI и брат двух кардиналов, был ревностный католик и, заботясь о спасении своей души по рецепту Лойолы, дал широкий простор иезуитам в управляемых им областях и поддерживал их при каждом случае. В скором времени в университетском городе Алкала де Генарес была учреждена первая в Испании иезуитская коллегия, а затем коллегии появились в Малаге, Гренаде, Кордове, Севилье, Бургосе, Барселоне, Мурсии и пр. и пр. Блестящи были успехи Лефевра, оставшегося провинциалом после перевода Араоца в Неаполь, но упорна была и борьба его с врагами иезуитов. Кардинал Мендоза дал средства на устройство коллегии в Саламанке, но против этого восстали все профессора университета с Кано во главе; этот знаменитый богослов без стеснения заявлял всем, что приближается конец света, так как появились иезуиты, “предтечи антихриста”. Толедский архиепископ Силичео принял сторону университета, и его викарий принялся выживать последователей Лойолы, подвергнутых отлучению от церкви, из всей саламанкской епархии. Лойола, интересуясь особенно своею родиною, принял деятельное участие в борьбе, и последствия не замедлили показать его могущество; профессор-богослов Кано был командирован представителем Испании на тридентский собор, а затем был назначен епископом Канарских островов; архиепископ Силичео смирился перед буллою 18 октября 1549 года “Licet

debitum”, объявившей иезуитов под особым покровительством папского престола, и вскоре почему-то скончался. Провинциал Страда, заменивший Лефевра, отправленного в Германию, с торжеством вернулся в Саламанку, в сопровождении гуэсского епископа, освятившего лично здание коллегии. Торжество иезуитов было полное, и даже малограмотный ректор барселонской коллегии, Виллануово, приобрел множество новых членов ордена.

В Нидерланды, подчиненные также скипетру Карла V, иезуиты попали через Францию и раньше всего основали свою коллегию в Турне, а затем постепенно устроились в Антверпене, Брюгге, Люттихе, Генте, Брюсселе, Монсе, Лилле, Дуэ и Мاستрихте; первое время коллегии в этих городах были скромно и даже бедно обставлены, так как духовные ордена не имели права приобретать имущества в Нидерландах, но впоследствии иезуиты сумели обойти этот закон и приобрели дома и земли среди фламандцев и валлонов. В Германии, главном очаге протестантизма, первое время успехи пропаганды были очень слабые. Первыми явились туда ле Жэ и Бобадилья, затем к ним присоединился Лефевр; они участвовали в переговорах на рейхстагах в Регенсбурге и Вормсе, где простой народ был до такой степени раздражен против ле Жэ, что хотел утопить его в Дунае. Пришлось спасаться бегством, и ле Жэ нашел приют в Ингольштадте, где баварский герцог Вильгельм II дал ему профессию. Бобадилья устроился в Вене под покровительством эрцгерцога Фердинанда, брата императора, а Лефевр поселился в Кельне, начав серьезную борьбу с антикатолическими идеями; при этом он привлек под знамя Лойолы голландца Канизиуса, настоящая фамилия которого была ван Гондт. Этот уроженец ганзейского города Нимвегена пользовался репутацией дельного преподавателя и впоследствии прославился “кратким катехизисом”, принятым во всех учебных заведениях католической Германии. Медленно воздвигались иезуитские коллегии в Вене, Инсбруке, Праге, Мюнхене и Ингольштадте, но со вступлением на императорский престол Фердинанда I дела изменились и быстро появились коллегии в Майнце, Трире, Граце, Галле и Диллингене; затем иезуиты вторглись в Чехию, Мадьярию, Польшу и Литву.

Неурядица в Германии, вызванная религиозным движением, заставила немецких князей просить папу о созыве собора, чтобы разрешить массу возникших вопросов. Долго уклонялся от этого Павел III, сознавая предстоящие затруднения с епископами Германии и Франции, стремящимися свергнуть с себя иго римского первосвященника, но наконец уступил и 31 декабря 1545 года открыл XIX вселенский собор в

епископальном городе Триденте. Чтобы отстаивать первенство папского престола, Павел III прислал множество своих приверженцев под видом легатов, а кроме того, просил Лойолу командировать на собор лучших богословов; выбор генерала пал на Лайнеса и Сальмерона, которым он дал особую инструкцию, рекомендуя в ней удерживаться от прений с лучшими богословами Европы, чтобы не обнаружить своего невежества. Хитрый Лайнес лучше понял тайное желание папы и оставил инструкцию своего генерала без внимания. Иезуиты явились в Тридент, где встретили ле Жэ, приехавшего официально от аугсбургского епископа, скромно поселились в госпитале и нахально стали вмешиваться во все учено-богословские споры, поднимая тьму вопросов по предметам, не относящимся до прямого назначения собора. Своими схоластическими рассуждениями о непорочном зачатии и свободной воле Лайнес вывел епископов из терпения, и те пожаловались Павлу III; папа воспользовался этим и под предлогом лучшего руководства перевел заседания в Болонью; однако многие остались в Триденте, и таким образом собор затянулся на неопределенное время. Ле Жэ между тем снискал расположение эрцгерцога Фердинанда, и тот стал просить папу назначить его епископом триестским; обратились к Лойоле, но генерал формально запретил ле Жэ и думать об епископии, принципиально не желая отпускать из ордена талантливых членов. В то же время, в 1548 году, Бобадилья попал в Аугсбург на интерим, или соглашение католиков с протестантами, грубо удержал баварского курфюрста Фридриха II от перехода в лютеранство и наговорил дерзостей Карлу V; император выгнал его из Германии, и Бобадилья прибыл в Рим, где Лойола громогласно осудил его, чтобы только не раздражать Карла V, хотя тайно одобрил поведение сочлена.

Хуже всего для иезуитов шли дела во Франции. Не имея в своих рядах французов, первое время иезуиты бесцеремонно выгонялись за границу как испанские подданные по случаю войны между Карлом V и Франциском I. Наконец они втерлись под прикрытием первых французов, привлеченных в орден, Виоле и Пеллетье; те познакомились в Триденте с клермонским епископом Гильомом Дюпра, сыном знаменитого канцлера Франции, кардинала и архиепископа сансского Антуана Дюпра, и тот подарил Виоле принадлежащее ему здание Сен-Женевьевского аббатства в Париже, где немедленно возникла коллегия. Против такого захвата восстал парижский университет, поддержанный парламентом и парижским епископом, энергичным Эташем дю-Беллэ; пока шла словесная война, иезуиты учредили коллегии в Биллуме и Мориака. Интересуясь Францией, где собственно орден и был основан, Лойола воспользовался приездом в Рим

кардинала Шарля Лоррен-Гиза и сумел заручиться покровительством этого гордого вельможи для ордена. Кардинал расположил к иезуитам самого короля Франциска I, но враждебная партия взяла верх, и парламент осудил последователей Лойолы, назвав их “безнравственным скопищем, в среде которого множество преступников, заведомых негодяев и незаконнорожденных отрепьев”. Виоле явился в Рим, где состоялось тайное совещание. Мнение генерала одержало верх: он предложил стусеваться и притаиться, пока не уляжется возбуждение и не успокоится общественное мнение. Расчет Лойолы оправдался: 31 марта 1547 года скончался Франциск I и на престол вступил его сын Генрих II, муж знаменитой Катарины Медичи; благодаря итальянской принцессе, иезуиты нахлынули во Францию и долго пользовались громадным политическим влиянием.

Таковы были первые годы жизни ордена иезуитов, созданного Лойолой. Старик продолжал жить в Риме, ревниво оберегая свое детище от возможного крушения. В 1549 году умер Павел III и на престол вступил Гиоччи под именем Юлия III; этот папа также покровительствовал ордену и дал ему еще несколько привилегий. Юлия III сменил в 1555 году Марцелл II, находившийся на престоле всего 23 дня, и затем был избран папой недруг Лойолы, кардинал Караффа, под именем Павла IV. Новый первосвященник относился к ордену сдержанно и холодно. Огорченный и больной генерал стал хиреть, перебрался в новое здание, им же выстроенное, спасаясь от повальной болезни, косившей римлян, и тут скончался на руках своего секретаря Паланки 31 июля 1556 года, не назначив себе преемника. Претендентами на главенство в ордене явились Паланка, Бобадилья и Лайнес. Последний как самый коварный одержал верх на выборах 2 июля 1558 года, и Павел IV признал его вторым генералом иезуитов.

Приводим список генералов ордена иезуитов: Игнатий Лойола, испанец, 1541 – 1556 годы; Яго Лайнес, испанец, 1558 – 1565 годы, уничтожил в уставе многое, стеснявшее неограниченную власть генерала; Франческо Борджиа-Гандиа, испанец, бывший вице-король Каталонии, 1565 – 1572 годы, первый начал вмешиваться в европейскую политику; Эверард Меркуриан, бельгиец, 1572 – 1580 годы; Клавдио Аквавива, неаполитанец, сын герцога Антонио Аквавива-Конверсано, 1580 – 1615 годы, дал окончательную редакцию уставу ордена; при нем значилось официально 10 тысяч 600 иезуитов; Муцио Вителлески, римлянин, 1615 – 1643 годы; при нем папа Григорий XV признал 12 марта 1622 года Лойолу святым; Виченцо Караффа, римлянин, 1643 – 1649 годы; Франческо

Пикколомини, флорентиец, 1649 – 1651 годы; Александр Готифредо, римлянин, 1651 – 1652 годы; Госвин Никкель, баварец, 1652 – 1664 годы; Джанпаоло Олива, генуэзец, 1664 – 1681 годы; при нем иезуитов было 17 тысяч 655 человек; Шарль де Нойелль, бельгиец, 1681 – 1686 годы; Тирсо Гонзалец, испанец, 1686 – 1705 годы; Микель-Анджело Тамбурини, моденец, 1705 – 1730 годы, при нем иезуитов было 19 тысяч 988 человек; Франциск Ретц, чех, 1730 – 1750 годы; Игнатий Висконти, ломбард, 1750 – 1757 годы; Луиджи Чентуриони, генуэзец, 1755 – 1757 годы; Лоренцо Риччи, флорентиец, 1757 – 1775 годы, при нем орден был официально закрыт, имея в своих рядах 22 тысячи 589 человек; Станислав Черневич, литвин, 1773 – 1782 – 1785 годы; Гавриил Ленкевич, поляк, 1785 – 1798 годы; Франциск Каре, немец, 1798 – 1802 годы; Гавриил Грубер, австриец, 1802 – 1805 годы; Тадеуш Бржозовский, поляк, 1805 – 1820 годы, при нем орден был официально восстановлен; Людовик Фортис, ломбард, 1820 – 1839 годы; Иоганнес Роотгаан, голландец, 1839 – 1853 годы, при нем иезуитов числилось 5 тысяч 510 человек; Иоганн-Петр Бекс, бельгиец, 1853 – 1884 годы, увеличил число иезуитов до 8 тысяч человек с лишком, а в религиозно-политической борьбе с Германией, известной под именем “Kulturkampf”, одержал победу над князем Бисмарком, заставив его отменить “майские законы”; нынешний генерал ордена Антоний Андерледи с 1884 года, избран после отречения Бекса, родом ирландец.

Носятся слухи, что после Лоренцо Риччи иезуиты избирают двух генералов: одного – настоящего властелина ордена, живущего со своим тайным советом в Америке, а другого – подставного, вроде громоотвода, живущего в Риме и руководящего политикою пап. Насколько это верно, решить, конечно, трудно. Однако наблюдения некоторых лиц, имеющих возможность близко следить за деятельностью ордена, подтверждают отчасти это предположение.

Глава IX. Иезуиты в России

Умирая, Лойола оставил 12 иезуитских провинций и 35 “исповедников четырех обетов”; умно заведенная машина пошла в ход, и, несмотря на громадные препятствия, орден рос, развивался и богател, приобретая земные сокровища во всех частях света, пока единодушный взрыв народного негодования по всей Европе не заставил папу Климента XIV уничтожить это темное царство, эту шайку алчных и развратных интриганов; его булла 21 июля 1773 года “*Dominus ac Redemptor poster*”, прекращавшая официально существование ордена иезуитов, была встречена с восторгом и благословениями, хотя самому папе стоила жизни, так как он скончался от отравы 22 сентября 1774 года. Но орден продолжал существовать, так как его зависимость от папы была лишь пустым звуком. “Черный папа” фактически гораздо могущественнее “белого папы”, так как он опирается на мастерски выдрессированную боевую дружину, рассеянную по всему свету и скрывающуюся под самыми разнообразными нарядами. Уже покорный слуга “черного папы”, кардинал Чиарамонти, едва вступил на папский престол под именем Пия VII 14 марта 1800 года, как немедленно разрешил существование ордена, но дал свое согласие тайно, опасаясь Наполеона I; 17 августа 1814 года, видя политический хаос в Европе, Пий VII смело обнародовал буллу “*Sollicitudo omnium ecclesiarum*”, в которой восстанавливал орден во всех правах и привилегиях.

После буллы Климента XIV только два государства дали иезуитам позволение существовать официально: Пруссия и Россия. Прусский король Фридрих II, друг Вольтера и д’Аламбера, смотрел не очень благосклонно на последователей Лойолы и собирался выгнать их из своего государства; когда в 1772 году иезуиты стали просить позволения расселиться по всей Пруссии, Фридрих II ответил едкими насмешками и категорично отказал. Но при обнародовании буллы он вдруг признал их педагогические способности и дал им, к удивлению всей Европы, права гражданства. Честолюбивый провинциал Силезии, Троиль, возмечтал сделаться главою ордена и принудил провинциальную конгрегацию избрать его генерал-викарием после ареста Риччи в Риме. Конечно, такой мятеж в благоустроенной иезуитской монархии не мог быть терпим, и Троиль вскоре скончался, громогласно каясь в своей дерзкой выходке; но это не спасло силезской провинции ордену. Уже в 1776 году, удовлетворяясь унижением римской курии, Фридрих II принялся бесцеремонно выгонять

иезуитов, заявляя, что они плохие преподаватели, а в 1781 году силезская провинция прекратила официально свое существование, хотя, конечно, иезуиты существуют там и до настоящего времени.

В Россию иезуиты попали при совершенно других обстоятельствах. Овладев окончательно Польшею при Стефане Батории, они уже с тех пор стали стремиться в Московию, хотя крайне неудачно; иезуит Антоний Поссевин в качестве королевского посла вел богословские споры с Иваном IV, который одержал верх, благодаря сочинениям какого-то книжника Никиты; папский легат Рангони почти создал в России Смутное время, поддерживая Лжедмитрия I, но и тут пропаганда иезуитизма потерпела крушение. Первые Романовы также не впускали это “темное царство” в свое государство, и только при царевне Софии благодаря князю Василию Васильевичу Голицыну иезуиты устроились в Москве; однако указ императора Петра I от 18 апреля 1719 года заставил их покинуть Россию и прекратить свою пропаганду. Признавая вредное влияние ордена, преемники Петра I держались той же консервативной политики до 1772 года, когда состоялся первый раздел политически умиравшей Польши; под скипетром Екатерины II очутилась вся Белоруссия с католическим, униатским и полузадушенным православным населением. То, что казалось естественным и возможным при польских королях в этой издревле русской и православной области, сделалось невозможным при русской императрице, и Екатерина II деятельно принялась за религиозно-политическую реформу.

Весь присоединенный край был разделен на семь провинций, из которых четыре образовали Могилевскую губернию, а остальные три были присоединены к Псковской губернии. В этих семи провинциях процветали все католические духовные ордена, разрешенные папами в числе 23, но наибольшим значением пользовались иезуиты, создавшие пресловутую унию как переходный мостик для легчайшего соращения православных в католицизм. Еще до присоединения Белоруссии скончался 14 октября 1754 года могилевский епископ Иероним Волчанский, и католики хотели упразднить православную кафедру, но св. синод назначил 20 августа 1755 года епископом Георгия Конисского и этим спас “схизматиков” от окончательной гибели. С 1772 года дела, конечно, переменились, и Екатерина II сразу показала, что она не допустит вмешательства папы в ущерб своим самодержавным правам, хотя желала быть вполне веротерпимою. Униатский епископ Смогоржевский уехал в Варшаву и хотел оттуда управлять епархией, но правительство отказалось признавать его и велело избрать Ираклия Лисовского; с католическим епископом

Массальским, жившим постоянно в Вильно, поступили точно так же, и на его место был избран могилевским епископом глубокообразованный Станислав Сестренцевич-Богуш. Все иноверное духовенство почувствовало над собою властную руку императрицы, и папы приходили в отчаяние, видя, что целый край эмансипируется от их произвола. В Литве и Белоруссии при польском владычестве числилось официально 1077 иезуитов; после раздела на долю России пришлось 32 “ученика”, 98 “духовных кандидатов” и 48 “исповедников”; у них было шесть коллегий: в Полоцке, Витебске, Динабурге, Орше, Мстиславле и Могилеве; кроме того, до десяти миссий и резиденций в других местах. Провинциал Казимир Соболевский имел постоянное местопребывание в Варшаве, откуда управлял Польшею, Литвою и Белоруссией, составлявшими одну иезуитскую провинцию; после обнародования буллы Климента XIV Соболевский скромно отрекся от власти и главою иезуитов в России сделался его вице-провинциал Станислав Черневич. Родом литвин, Черневич получил образование в Вильно и долгое время состоял польским делегатом при генерале Риччи в Риме, где и был допущен в шестой класс; возвратясь из Италии, Черневич поступил ректором полоцкой коллегии и совместно с этим сделался вице-провинциалом. Задача, выпавшая на долю его, была не из легких: он видел надвигающуюся на орден грозу и силою обстоятельств сделался подданным государства, крайне нерасположенного к иезуитам; талантливый литвин блестяще решил сложную задачу.

Черневичу нужно было поддержать во что бы то ни стало существование крайне потрясенного ордена, добиться официального признания самого права на его существование, доказать римскому первосвященнику все его бессилие перед “Товариществом Иисуса” и убедить католический мир в могуществе и несокрушимости общества Лойолы, – а для всего этого необходимо было одурачить властных людей России, начиная с дальновидной и самодержавной императрицы и кончая мелкой сошкой, окружавшею белорусского генерал-губернатора, графа Захара Григорьевича Чернышева. Поэтому первым делом Черневича было внушить правительству, что иезуиты самые вернопреданные подданные императрицы; пока католическое духовенство Белоруссии медлило присягать “схизматической” монархии, Черневич собрал всех иезуитов в своей столице, Полоцке, и торжественно привел их к присяге 24 ноября 1772 года, в день ангела Екатерины II, причем патер Катебринг произнес блестящее похвальное слово русской императрице. Такой всенародный поступок богатого и влиятельного ордена произвел сильное впечатление на католиков, и к Новому году все белорусское духовенство было приведено к

присяге. Затем Черневич с Катебрингом и ректором полоцкой коллегии, Ленкевичем, приехали в Петербург присягать не только за свою провинцию, но и за заграничных иезуитов; политический намек на иезуитов Польши и Литвы понравился Екатерине II, граф Чернышев был очарован и вскоре подпал влиянию умного и энергичного Черневича.

Существование ордена было обеспечено вполне своевременно, потому что 23 июля 1773 года грянула булла об уничтожении ордена. Епископ Сестренцевич повез ее в Петербург, но Черневич приехал раньше него, побывал у Чернышева, и в результате явилось распоряжение императрицы, не допускающее обнародования буллы. Папские нунции в Варшаве, Гарампи и Аркетти, поддерживаемые из Рима, напрягали все силы заодно с Сестренцевичем, чтобы сломить явных ослушников папской воли, но все их усилия разбились о стойкость и энергию изворотливого провинциала. Устроив арест священника, подсланного в Полоцк из Варшавы нунцием Аркетти, Черневич воспользовался приездом генерал-губернатора и стал официально хлопотать об устройстве новициата для приема “послушников”. В Риме всполошились, и конгрегация “de propagandae fidae” решила в начале 1777 года на крайнюю меру, предоставив Сестренцевичу, заклятому врагу иезуитов, звание апостолического делегата над всеми католическими орденами в России в расчете, что он сумеет тогда прекратить существование “Товарищества Иисуса”. Между тем изворотливый Черневич заручился содействием возвышающегося Григория Александровича Потемкина и устроил так, что императрица прямо приказала Сестренцевичу открыть новициат в Полоцке; злосчастный епископ вынужден был 30 июня 1779 года подписать окружное послание в пользу иезуитов, а 2 февраля 1780 года состоялось самое открытие новициата при торжественной обстановке, и в Полоцк нахлынули “послушники” из Польши, Германии, Австрии, Италии и даже Америки; выбирались, конечно, самые богатые и знатные, причем Черневич ставил обязательным условием изучение русского языка.

Добившись одного, иезуиты задумали восстановить должность генерала ордена. Снова начался ряд интриг: Екатерину II, проезжавшую через Полоцк, приняли утонченной лестью и роскошью, окончательно овладели Потемкиным, который действовал заодно с Чернышевым, и связали руки Сестренцевичу, выхлопотав ему звание могилевского архиепископа, но приставив ему коадьютором иезуита Бениславского. Архиепископия дана была в январе 1782 года, а уже 17 октября Черневич был избран генералом ордена иезуитов, первого же марта 1783 года Бениславский явился в Рим в качестве русского посланника. Для ответного

посольства был избран бывший нунций Аркетти, злейший враг иезуитов; он явился через Тульчин, осыпал укоризнами Сестренцевича и принялся беспощадно бранить всех последователей Лойолы, однако в Петербурге и ему пришлось смириться под давлением Потемкина и Безбородко; кроме того, ему обещали выхлопотать кардинальскую шляпу, и сбитый с толку посол передал 18 октября архиепископский паллиум Сестренцевичу, а Бениславского посвятил в епископа гадаринского. За такую покорность Аркетти получил 14 июля 1784 года наперстный крест стоимостью в 10 тысяч руб. и драгоценные меха в подарок от Екатерины II. Волей-неволей, сознавая свое бессилие, римская курия должна была оставить в покое иезуитов, ставших твердой ногой в России.

Со смертью Черневича в июне 1785 года окончился первый, подготовительный период пребывания иезуитов в России. Им нужно было найти место, где они могли бы сплотиться против ватиканских громов, и благодаря Черневичу задача была выполнена блестяще; умирая, он оставил орден сильным и богатым: официально существовали 6 коллегий, 2 новициата, 10 миссий, разного имущества на 3 миллиона руб. с лишком и 14 тысяч крепостных крестьян, освобожденных от казенных налогов. Преемник Черневича, Габриэль Ленкевич, спокойно и уверенно перешел в наступление, следуя традиционному завету Лойолы стремиться ко всемирной монархии. Началась серьезная пропаганда среди униатов и евреев, привлечен в союз орден базилиан, и иезуиты ретиво принялись совращать православных в католичество; первым был совращен граф Чернышев, выстроивший в своем имении Чашниках католическую церковь. Явился венский уроженец Габриэль Грубер с изумительно разносторонним образованием, и пропаганда перебралась незаметно в Петербург, где иезуиты овладели церковью св. Екатерины на Невском проспекте, втерлись в доверие императора Павла I и его супруги, императрицы Марии Федоровны, переполнили собой ряды мальтийских рыцарей, а в то же время иезуит Зенович изготовлял русские фальшивые ассигнации, Шуазель-Гуффье грабил казну, а д'Огард и Чацкий воровали лучшие книги в императорской публичной библиотеке, пользуясь своим официальным положением. Совращая русских аристократов и богачей, иезуиты рассыпались по всей России, не обращая внимания на закон, ограничивающий их пребывание одной Белоруссией; следы их темной деятельности отразились в обеих столицах, на Кавказе, в Сибири, в Новороссии, Поволжье и Лифляндии; в благодарность за поддержку России в тяжелую для них минуту иезуиты по-своему выразили признательность: они перевоспитали в антигосударственном духе Белоруссию, Литву и

Польшу.

Когда началась французская революция, в европейском обществе повеяло реакцией против свободомыслия и либерализма; иезуиты воспользовались умело новыми веяниями, и их влияние возросло. Несколько иезуитов основали в бельгийском городе Лувене “Общество св. Сердца” и, спасаясь от французов, перешли в Лейтерсгофен, возле Аугсбурга, где открыто заявили свою солидарность с белорусскими иезуитами, а затем совершенно слились с ними при генерале Бржозовском. Пармский герцог Фердинанд Бурбон, напуганный революцией, попросил у Ленкевича 23 июля 1793 года помощи, и ему дали Паниццони с несколькими сочленами; Паниццони выгнал из герцогства паканаристов, выдававших себя за иезуитов, овладел воспитанием юношества, основав пять коллегий, и сделался всемогущим. Какой-то образованный москвич, возмущенный наглостью иезуитов, издал брошюру, в которой метко очертил всю их деятельность в прошлом и настоящем; оскорбленный Грубер добился полного изъятия этой брошюры из обращения. Преемник его, Тадеуш Бржозовский, стал хлопотать о предоставлении государственных прав кончающим курс в иезуитских коллегиях и достиг того, что 10 июня 1812 года полоцкая коллегия была торжественно переименована в академию, а через два года Пий VII вернул иезуитам все их права и привилегии.

Император Павел I скончался 11 марта 1801 года, и на престол вступил его сын, Александр Павлович, воспитанный Лагарпом и Самборским в религиозном индифферентизме, но с склонностью к мистицизму. Понятно, что с гуманными воззрениями, заимствованными у Локка и Руссо, не могло связываться покровительство “Товариществу Иисуса”, и, действительно, император Александр I никогда не был расположен к ним, но терпел их до поры до времени, тем более что характер императора всегда выражал нерешительность, неуверенность в себе и мнительность. Ректор петербургской коллегии, Грубер, хотел воспользоваться переменой монарха и заговорил грубо и дерзко; в ответ на его письмо последовало высочайшее повеление об освобождении митрополита Сестренцевича от полицейского надзора, под который он попал благодаря иезуитам, потеряв все должности и звания; затем благодаря настойчивости генерал-прокурора Беклешова митрополит был восстановлен во всех своих правах. Груберу приходилось вести тяжелую борьбу также за обладание церковью Екатерины, в чем ему немало помогал купец Пирлинг, отец нынешнего старшины русских иезуитов в Париже. Кончилась на первых порах эта борьба тем, что в России было обнародовано бреве папы о восстановлении

ордена, хотя в самой Италии Пий VII не решался обнародовать об этом буллы.

Умер генерал Каре, и благодаря содействию князя Кочубея Грубер был избран генералом 10 октября 1802 года, почти без ведома Сестренцевича. Вскоре он перенес свое местопребывание из Полоцка в Петербург и здесь открыл аристократический пансион аббата Николя, с платой по 1500 руб. с каждого воспитанника; в пансионе очутились князья Юсуповы, Голицыны, Орловы, Гагарины, Меншиковы, Волконские, сын принца вюртембергского, Нарышкины, Бенкендорфы, Полторацкие, Плещеевы, Дмитриевы и другие. Но этот пансион был замаскировано иезуитский, а потому Грубер открыл и явно иезуитский, куда поступили Толстые, Голицыны, Гагарины, Кутузовы, Строгановы, Растопчины, Шуваловы, Вяземские, Северины, Одоевские, Пушкины, Глинки, Рюмины, Новосильцевы и Каменские. После того началась вербовка членов за границу, и все, что было иезуитски умного в Европе, все хлынуло в Россию. Сначала соблюдались церемонии и вежливые обходы законов, но потом перестали заботиться об этом: не принимали русского подданства, являлись с фальшивыми паспортами, занимали должности священников, не имея на то никакого права, и т. д. Грубер случайно сгорел в пожаре, но Бржозовский продолжал деятельно пропаганду окатоличивания России, поддерживая усердно снова рассыпавшихся по Европе иезуитов.

Чаша терпения императора Александра I переполнилась, и 20 декабря 1815 года последовал указ сенату об изгнании иезуитов из пределов России. Ввиду упорства сильно присосавшихся членов “темного царства” этот указ пришлось повторить в 1817 году; но только благодаря энергии министра духовных дел и народного просвещения, князя Голицына, доклад которого был высочайше утвержден 13 марта 1820 года, удалось официально очистить Россию от иезуитов. С этого момента начинается третий период их деятельности в русских пределах, период тайной пропаганды. Из Галиции, из Вены, из Парижа и других мест иезуиты стали вторгаться в Россию под всевозможными видами, с поддельными паспортами, вмешиваясь везде и во все; они до настоящего времени рассеяны по всему нашему отечеству под различными именами и узнают друг друга по условному сгибанию пальцев правой руки. В 60-х годах была обнаружена их пропаганда, направленная из Норвегии к соращению поморов в католичество; обстоятельство это вызвало появление ответных писем Ю. Ф. Самарина иезуиту из русских, Мартынову, в которых мастерски были очерчены последователи Лойолы. История с католическим священником, выпущенным в 1882 году из тюрьмы в Авлонах, после

многолетнего заключения снова обратила внимание на иезуитов. Наконец длинный ряд чисто русских имен в списке иезуитов, остановившемся на Рюриковиче, потомке рязанских князей, принявшем в марте 1890 года католичество, постоянно напоминает нам, что Россия не скоро еще избавится от служителей “черного папы”, пользующегося каждым случаем, чтобы попытаться вернуть свое прежнее значение в России.

От автора

Пособиями при составлении этого биографического очерка служили следующие сочинения:

1. La vie du bon pere Ignace de Loyola, fondateur de la compagnie de Jesus, dernièrement traduite par un pere de ladicte compagnie du latun du p. Pierre Ribadenera. – Arras, 1607.

2. Allgemeine Geschichte der Jesuiten von dem Ursprunge Ihres Ordens bis auf gegenwartige Zeiten, von Peter-Philipp Wolf. Erster Band. – Leipzig, 1803.

3. Histoire religieuse, politique et litteraire de la compagnie de Jesus, composee sur les documents inedits et authentiques par J. Cretineau-Joli. Tome premier. – Paris, 1844.

4. Histoire des jesuites composee sur documents authentiques, en partie inedits, par L'abbe Guettee. Tome premier. – Paris, 1858.

5. Der Jesuiten-Orden nach seiner Verfassung und Doctrin, Wirksamkeit und Geschichte, characterisirt von Dr. logannes Huber. – Berlin, 1873.

6. Die romische Papste in den letzten vier Jahrhun derten, von Leopold Ranke. Erster Band. – Leipzig, 1874.

7. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени, свящ. Михаила Морошкина. Т. 1, 2. – С. – Петербург, 1867.

Предлагая читателям биографические сведения об основателе ордена иезуитов, автор не скрывает от себя неполноту очерка. Извинением может служить недостаток доброкачественного исторического материала, так как труды Орландини, Саккини, Жуванси, Кордара, Бартоли, Рибаденейры, Маффеи и Бугура более чем сомнительны с точки зрения исторической критики.